

Урина Токмакова

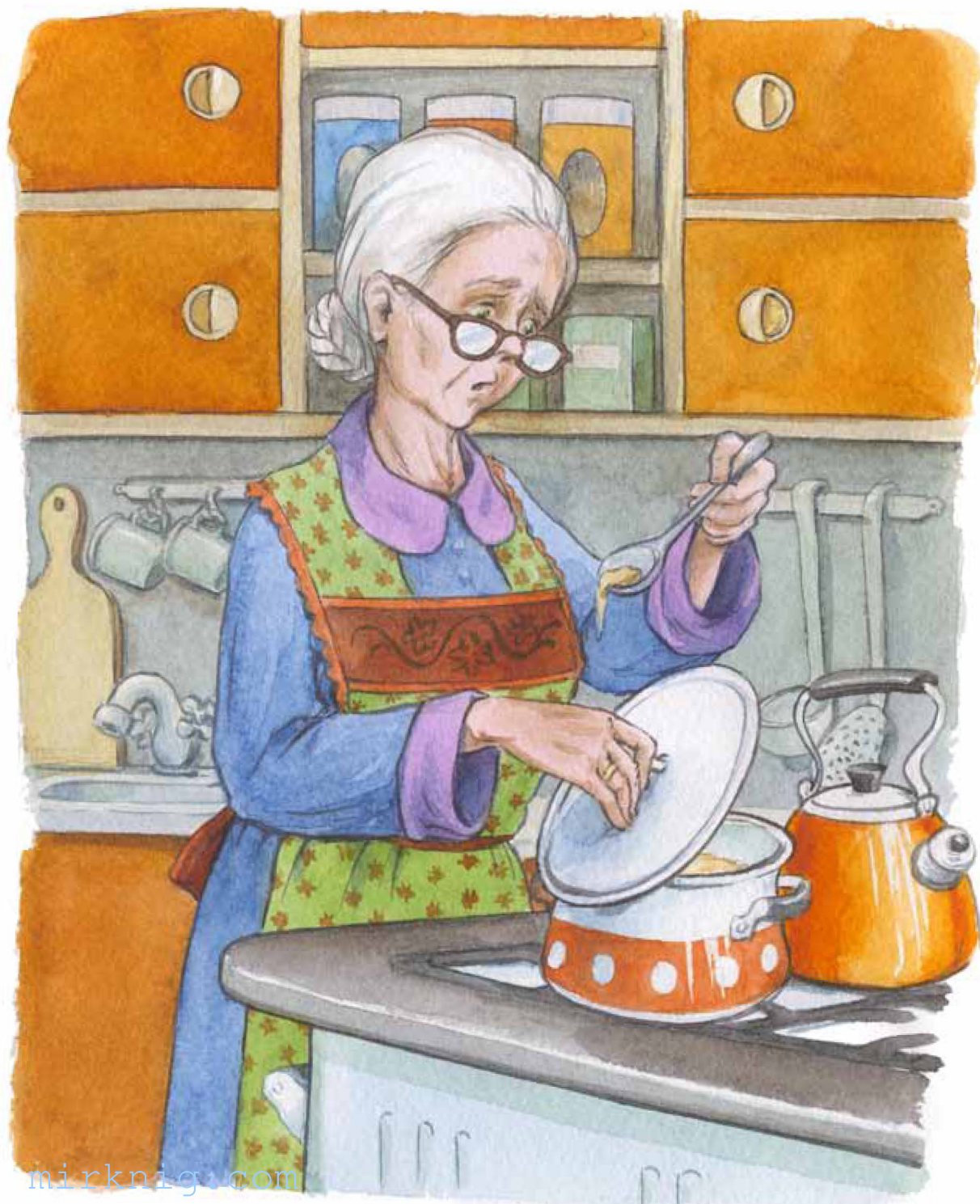
И НАСТАНЕТ ВЕСЁЛОЕ УТРО

mirknig.com

mirknig.com

Ирина Токмакова
И НАСТАНЕТ ВЕСЁЛОЕ
УТРО

*Художник
Анаит Гардян*

Москва
«Махаон»
2015

Глава первая

Плохое утро, плохой день, совсем плохой вечер

Перкулесовая каша на кухне начала подгорать. Папа высунул голову из ванной и, жужжа бритвой, сердито крикнул бабушке:

— Таисья Гурьевна, даже здесь слышно, что горит! Ну когда ж это наконец... — И снова скрылся в ванной.

Бабушка метнулась в кухню, огорчённо понюхала кашу в кастрюльке, переложила её в другую кастрюльку, негорелую, снова понюхала, совсем огорчилась, достала сковородку, стала жарить яичницу, но в это время вспенился и убежал кофе.

Папа пил кофе стоя, жевал бутерброд с сыром. Яич-

ницу он есть не стал, и мама сказала сердито, что это бабушке назло. У бабушки дёргались губы, когда она заплетала Полине косы. У Полины у одной из всей группы в их детском саду были косы. Всех остальных девочек мамы водили стричься в парикмахерскую. А бабушке хотелось, чтобы у Полины были косы, как когда-то в бабушкином детстве: все девочки отращивали косички и не носили брюк, а только надевали сатиновые шаровары на гимнастику. Шаровары Полине шить не стали, а косы бабушка всё-таки попросила отрастить и сама заботливо мыла внучке голову то яичным желтком, то ещё ей только одной известным способом. А папа говорил, что это всё — ему назло. Потому что он терпеть не может всё старомодное и считает, что жить надо по-современному, а не назад оглядываться — так и шею можно свернуть.

В бабушкиной комнате стоял старинный буфет, и большое зеркало в резной раме, и комод из шести ящиков, а на комоде в высоких вазах — сухие цветы и травы. Полине казалось, что это очень красиво, а папа, когда за чем-нибудь входил в бабушкину комнату, каждый раз, выходя оттуда, говорил:

— Это мне назло.

А мама на него за это обижалась, и Полина тоже, потому что знали: вовсе не назло; но он на их обиды не обращал никакого внимания.

Полина думала: вот в телевизоре часто показывают разных дядей и тётей, и все они без конца говорят: «Благополучные семьи — неблагополучные семьи, благополучные-неблагополучные». Передачи эти — скучища, ужас! И слово-то какое-то противное

— «получные-неполучные»...

У них в семье, во всяком случае, всё благополучно. Бабушка так говорит соседке, Ванде Феликсовне Бамбурской, когда та приходит к бабушке в гости и они сидят и долго-долго разговаривают и вяжут. А что это обозначает — «благополучно»? Кто-нибудь объясните это Полине, пожалуйста! Благополучно! Вот-вот!

Например, сегодня. Не успели встать, а уже бабушке за кашу попало от папы, папе за бабушку — от мамы, бабушка подёргивает губами и молчит — а это значит, вспоминает прошлое. Бабушка всегда — когда так по-особенному молчит, это значит, что она вспоминает прошлое. Дедушку. Небольшой городок Крутогорск, где они жили, и где выросла мама, и где дедушка несколько лет тому назад умер, как бабушка говорит, «от сердца».

«Благополучно», — ворчит про себя Полина.

Бабушкины воспоминания и Полинины размышления прерывает папин голос:

— Между прочим, у меня заседание ровно в десять. — Маме: — Вера, ты готова? — Бабушке: — Таисья Гурьевна, боярышники косы когда-нибудь заплетутся наконец? У меня заседание не в двенадцать, не в половине шестого, не послезавтра, а сегодня — ровно в десять!

Бабушка криво завязывает банты на косах и, махнув рукой, отпускает Полину, мама хватается сумку с рукописями, и они выскакивают на площадку. Мама вызывает лифт, папа, не дожидаясь, пока кабина приползёт на восьмой этаж, несётся по лестнице пешком. Когда По-

лина и мама выходят из подъезда, красные «Жигули» уже фыркают, и обе двери раскрыты настежь. Никто не видит, что бабушка вышла на балкон и машет рукой.

Какое невесёлое, плохое утро! Почему такое утро случается не так уж редко в их доме? Полина даже не успевает подумать об этом, как папа тормозит возле детского сада, как мама торопливо её целует, перегнувшись с переднего сиденья, как Полина бежит по дорожке в свою старшую группу, а «Жигули» уже умчались по направлению к маминому издательству, где она работает редактором. Папа, наверно, успеет на заседание. Министерство от издательства близко — рукой подать.

Так отчего же оно такое плохое, невесёлое, недоброе, это утро?

— Доброе утро, Полиночка! — окликает её воспитательница Анна Ильинична. — Ты чего это, дружок, хмуришься?

И, не ожидая, пока Полина ей объяснит, хлопает в ладоши и кричит:

— Ребята, строиться, всем строиться! Мы сегодня идём гулять в парк!

mirknig.com

Март! Март! Солнечный мартовский день! Две сороки на верхушке клёна о чём-то спорят хриплыми голосами. Полина прислушивается. О грачах? Не о грачах? Нет, не понять. А вот и сами грачи. Их двое. Чёрные-чёрные. Носят прутьики на берёзу, укладывают там на верхних ветках. Вьют гнездо, что ли? Бабушка говорила Полине, что грачи теперь перестали улетать на зиму из больших городов. В городе стало теплее. И есть чем кормиться: много пищевых отходов. Бабушка смешно сказала: «Ты погляди, Полинка, грачи-то совсем обрусели!»

Точно, когда они улетали в чужие края, они переставали быть русскими грачами и делались, например, индийскими. А куда они улетали раньше? В Африку? В Индию? Надо будет спросить у папы...

Полина вспомнила сегодняшнее утро, и вообще, как папе стало последнее время всё некогда и некогда и не до неё, и опять нахмурилась.

Ребята столпились вокруг скамейки, где сидела Анна Ильинична и читала книжку про ослика или козлика. А Полина отошла в сторонку и спряталась за толстым кленовым стволом. Сейчас она будет играть в свою любимую игру. Когда она в неё играет, ей хорошо и радостно. Дело в том, что у Полины есть собака. Та собака, которую она уже давно просит ей купить, которую давно любит, — весёлый, умный, добрый пёс. Его зовут Фокки. Да, та самая собака, которую ей не купили ко дню рождения, а, наоборот, купили ковёр в её комнату. Объясните, пожалуйста, почему собака или ковёр? Ковёр собаке не доставит никаких неприятностей. Собаке очень даже удобно будет спать на ковре. И возиться с Полиной на ковре тоже приятнее, чем просто на полу. Ладно! Как хотят! У Полины всё равно есть собака. Фокки. Это ничего, что Фокки понарошковая собака. Придуманная. Всё равно — он есть.

— Фокки, ко мне! — позвала Полина.

Фокки, чёрный, гладенький, с торчащими ушами и мохнатой мордочкой, тотчас же подбежал к своей хозяйке. Полина погладила его тёплую спинку.

— Ну, пойдём гулять, пойдём гулять, дурачок!

Фокки завилял своим коротеньким, обрубленным хвостиком. Полина застегнула на нём ошейник и к ошейнику прицепила поводок. Они пошли гулять по аллеям. Фокки бежал вперёд, иногда оглядываясь на Полину. Полина с ним беседовала.

— Понимаешь, Фокки, — говорила она, — я никак не могу понять, что значит «всё благополучно». Мама, как приходит с работы, тут же начинает читать какие-то бумаги, которые называются «рукописи». Вчера я её просила почитать мне книгу, а она сказала, что пока не прочтёт рукопись про модальные глаголы... Ты что-нибудь понимаешь, Фокки? Миндальные — это понятно. Это пирожные такие. Мотальные — тоже понятно. Это когда мотают. Но — модальные? По-моему, так не бывает. «Не мешай, мне не до тебя, у меня, эти самые, „модальные глаголы“...» И папе тоже не до меня. А кому же до меня, Фокки?

Фокки сочувствовал, не забывая, однако, время от времени поднимать ножку возле кленовых и липовых стволов.

— Бабушка Тая очень хорошая, — продолжала Полина. — Только знаешь, Фокки, она грустит всё время. И вспоминает Крутогорск и дедушку. Она мне рассказывала о розах. Хочешь, я тебе расскажу? Слушай. Давно-давно — это время называется «сразу после войны» — в Крутогорске жил один армянин по имени Вардкез. Откуда я это знаю? Ну, бабушка рассказала, конечно. Чудной ты, Фокки, откуда бы мне ещё знать? Он жил там и жил, и он разводил розы. Прекрасные розы, алые и белые. Он их продавал иногда, бабушка говорит, что очень дёшево, а иногда так давал, потому что был он совсем не жадный. И вот бабушка рассказывала, как дедушка приносил ей розы от Вардкеза. Он ходил к нему далеко-далеко, на самый край города, потому что Вардкез жил на самом краю города, кото-

рый назывался «Козье Болото». То ли правда там козы водились и квакали вместо лягушек, то ли улица эта крайняя так называлась. Я не знаю. И бабушка теперь всегда говорит: «Ничего больше, Поляночка, и не нужно было. Ни ковров, ни хрусталя. Ни дорогих обоев».

«Ни цветного телевизора?» — спросила я у неё.

А она засмеялась.

«Телевизоров, — говорит, — тогда совсем не было. Ни цветных, ни никаких вообще. Дедушка дарил мне розы от Вардкеза, и нам было легко и весело. Мне, ему и Верочке. Каждое утро было таким весёлым!» Ты представляешь себе, Фокки?

Фокки слушал внимательно, наклоняя головку то на одну, то на другую сторону.

Он всё понимал.

— Я как-то спросила у мамы: «Ты помнишь розы от Вардкеза?» — продолжала Полина. — Мама сначала сказала: «Подожди, мне не до тебя! Видишь, я работаю? — А потом улыбнулась и подобрела: — Розы! Конечно, помню! Твой дедушка, мой папа, приносил их моей маме, твоей бабушке. Алые и белые розы. И почему-то от них было весело. Каждое утро было таким весёлым!»

Фокки тянул поводок, Полина шла вприпрыжку следом. Как хорошо, как славно иметь свою собаку!

— Полина-а-а! — вдруг донеслось до неё. Это звала Анна Ильинична. — Поли-на-а-а! Мы уходим! Полина! Строиться!

И тут произошло то, что происходило всегда, когда кто-нибудь окликал её громким и повелительным голосом. Фокки сильно рванул поводок, и Полина не смог-

ла его удержать в руках. Фокки помчался без оглядки. Петелька поводка подпрыгивала, разбрызгивая воду в лужах натаявшего снега.

— Фокки, Фокки-и, остановись! — звала Полина.

Но всё было бесполезно. И она это знала. Её собака, собственная любимая понарошковая собака, когда вмешивался кто-то третий, всегда убегала, уносила, таяла вдали.

Полина пошла строиться. Плохо начавшийся день и продолжался плохо, потому что ей совсем мало удалось побыть с Фокки. Но дальше всё пошло ещё хуже. После тихого часа она не захотела вставать. Анна Ильинична посердилась немного, потом забеспокоилась и принесла градусник. Померив температуру, она оставила Полину в постели и только велела выпить тёплого молока. Полине не хотелось, но она выпила.

Папа задерживался в министерстве, забирать Полину из детского сада пришла мама с двумя тяжёлыми сумками: в одной — продукты, в другой — модальные глаголы. Мама очень затревожилась, одела Полину сама, оставила возле неё сумки, пошла на улицу, поймала такси. По дороге в такси она всё время щупала Полинин лоб и говорила:

— Что ж это ты, доченька?

У Полины болела голова и горло. Резало в глазах. Плохой день кончился совсем плохим вечером. Полина заболела.

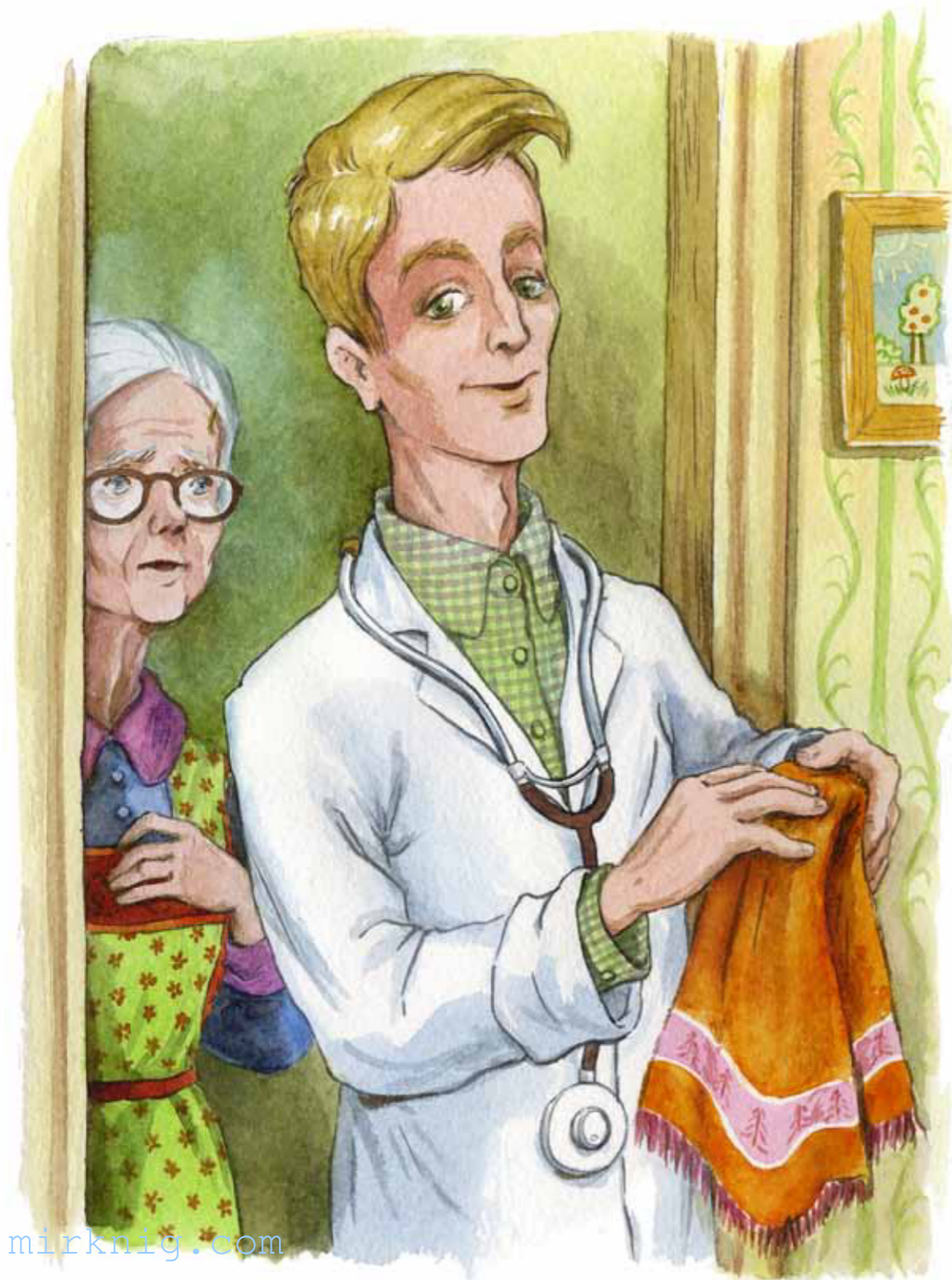
Глава вторая

Доктор Дорохов. Девочка-Звезда

Кто, скажите на милость, любит болеть? Кажется бы, никто на свете. А вот Полина... Впрочем, нет. Болеть Полина тоже не любит. Кому это может понравиться — температура, и лекарства всякие, и в постели лежать, да ещё в шерстяных носках. Ну что может быть противнее — под одеялом и в шерстяных носках!

Но дело в том... Дело-то в том, что если Полина заболит, то мама или бабушка позвонят в детскую поликлинику и придёт доктор Дорохов. А это уже кое-что! Это просто очень даже хорошо! Собственно, почему это так хорошо, Полина не могла бы так вот сразу взять и объяснить.

Доктора Дорохова зовут Алексей Иванович. Он такой молоденький, что всем хочется называть его просто Алёша. А это невежливо — называть доктора в белом халате и с трубочкой-фонендоскопом просто Алёша. Поэтому, чтобы как-нибудь не оговориться, папа, и мама, и бабушка, и Полина зовут его между собой доктор Дорохов.

Доктор Дорохов высокий-высокий, и у него такой взгляд особенный, внимательный, и добрый, и понимающий — всё сразу. Полине кажется, что она бы могла рассказать ему про Фокки. Никому из взрослых — только ему.

Среди дня раздался звонок в дверь, и через несколько минут, вытирая руки и отдавая бабушке на ходу мохнатое полотенце, к Полине вошёл — конечно, он — доктор Дорохов.

Бабушка пододвинула ему стул, и он сел рядом с Полининой кроватью.

— Ну что, нашла лужам, Веснушка? — спросил доктор Дорохов.

У Полины и правда по обеим сторонам носа, как только чуть весна, высыпали весёлые веснушки. Но никто её так никогда не называл. Она бы и не позволила. А доктору Дорохову было можно: у него это получалось не обидно и даже ласково.

Он, как всегда, послушал через трубочку «дыши — не дыши», а потом, словно не доверяя трубочке, приложил ухо к Полининой спине и опять велел то дышать, то не дышать.

— Ничего особенного, простудилась, — сказал он По-

лине, беря обе её руки в свои и глядя на неё пристально. — Ты чем-то озабочена, Веснушка? — спросил он тихим голосом. — У тебя плохое настроение?

Полина посмотрела доктору Дорохову в глаза и кивнула. Не могла не кивнуть. Он понял. Он больше ни о чём не стал спрашивать. Только, уходя, улыбнулся, сказал:

— Ничего, скоро поправишься, Веснушка! — И еле слышно — или Полине это только показалось? — почти шёпотом, пропел:

— Пёсик в лодочке отчалил,
Пёсик в лодочке плывёт.
Не бывает сплошь печали,
Пёсик радость принесёт.

Подмигнул, чего обычно никогда не делал, и быстро вышел в коридор. Полина очень удивилась, но, когда, проводив доктора Дорохова, в комнату вернулась бабушка, Полина ничего ей не сказала и только попросила:

— Бабушка Тая, расскажи мне про Крутогорск.

— Да ведь что же рассказывать, Полинушка. Что было, то прошло, того уж нет нигде.

Бабушка вздохнула.

— Что, и города нет? — удивилась Полина. — Ты же туда ездила, даже открытки с видами Крутогорска привезла!

— Город есть. Только он не тот же самый. Новый. Большой. Дома высокие. Каменные. Людей в них много живёт. Чужих.

Бабушка замолчала, задумалась.

— Бабуль, — не отставала Полина, — а ты мне про тот Крутогорск расскажи. Ну тот, прежний.

Полина хитрила немножко. Девочка знала, что бабушка любит тот Крутогорск, где она сама выросла и мама выросла и где раньше был дедушка.

«Крутогорск маленький, — говорит она обычно. — Но ведь это моя родина!»

— Бабушка Тая, ну расскажи.

— Полиночка, обед у меня ещё не готов. Мама придёт с работы усталая, папа придёт с работы голодный. А я борщ затеяла со сморчками.

— Откуда ты сморчки взяла? Грибов ещё нет! Снег ведь не стаял!

— Ты разве забыла, дедушкин друг, дядя Йонас, приезжал из Литвы нас с тобой навестить, он нам мешочек сушёных сморчков привёз. Так у меня ещё остались. Вот с ними борщ и варится.

— Ну, пусть ещё поварится. А ты со мной посиди, расскажи. Я больная. Доктор Дорохов ведь сказал, что больная!

— Ты кого хочешь уговоришь, — улыбнулась бабушка. — Сейчас только схожу немного газ прикручу. И то — пусть борщ упрееет хорошенечко.

Как только бабушка вышла из комнаты и пока не вернулась, Полина ясно слышала, как в воздухе звучат слова, которые произнести было решительно некому:

— Пёсик в лодочке отчалил,
Пёсик в лодочке плывёт.

Не бывает сплошь печали,
Пёсик радость принесёт.

Или это всё только кажется?

— Ну вот, — сказала бабушка Тая, садясь возле Полининой кровати. — Слушай. Вокзальчик в Крутогорске раньше был маленький, но красивый. Как теремок. Весь он был жёлтый, а под крышей бордюр и наличники белые-белые, их каждую весну белили.

— А где вы жили? — перебила Полина. Хотя она и про красивый вокзальчик, и про то, где жили, слышала не один раз.

— Где жили? Жили мы на самой крутой горе, на самой верхотуре. Город-то ведь недаром Крутогорском называется. Надо было сначала в гору подняться, потом липовым сквером пройти, а за сквером и начиналась наша улица. Пальмовая называлась. И откуда такое название, никто докопаться не мог. Я даже, когда в школе училась, в краеведческий музей бегала. Там сказали: мол, жил раньше на этой улице некто по фамилии то ли Пальмин, то ли Пальмов. А что за Пальмин или Пальмов и почему улицу в честь него назвали, пока неизвестно. Ну вот. А когда твой дедушка с войны пришёл...

— Он был герой? — в сотый раз спрашивает Полина.

— Да нет, Поляночка, героем он не успел стать. Он же был тогда молоденький. Как ему разрешили на фронт добровольцем пойти, тут скоро и война кончилась. Герой не герой, но и трусом не был. Хороший был у тебя дедушка...

Полина замерла. Она знала, что сейчас будет самый красивый бабушкин рассказ про Вардкеза и его необычайные алые и белые розы.

Но тут зазвонил телефон. Бабушкина приятельница Ванда Феликсовна долго держала её у телефона, а вскоре пришли мама и папа, и бабушка стала кормить их обедом. После обеда мама только на минутку зашла к Полине, погладила по голове и дала лекарство, снова взялась за свои рукописи, и всем было опять не до Полины. Температура у неё уже спала. Полина была только вялая и сонная. Но кто-то всё время говорил и приговаривал:

— Не бывает сплошь печали,
Пёсик радость принесёт.

А у неё даже не было сил подумать, кто же это говорит? Бабушка зашла, погасила лампу, и Полина стала задрёмывать...

Бабушка Тая отгремела на кухне посудой и ушла в свою комнату, к большой дедушкиной фотографии и вазам с сухими травами. Некоторое время в щёлочку под дверью Полининой комнаты проникал свет из коридора, но потом и он погас.

Полине не спалось, только так, дремалось. Где-то за стеной в соседней квартире кто-то играл и играл на скрипке всё одну и ту же, одну и ту же мелодию.

Дверь в её комнату никто не открывал. Это точно. Окно тоже было закрыто, потому что Полина простужена и бабушка бережёт тепло. Но вдруг...

Совершенно неизвестно откуда посреди комнаты оказалась девочка. В комнате сделалось светло как днём не потому, что зажглись лампы, а потому, что девочка светилась. И платице на ней было светлое, блестящее. Полина села на кровати.

— Ты мне снишься? — спросила она светящуюся девочку.

— Но ты ведь не спишь! — сказала загадочная гостья, и от её слов по стенам забегали светло-зелёные огоньки.

— Кто ты? — шёпотом спросила Полина.

Ей сделалось страшно. Она никогда в жизни не видела светящихся девочек с разноцветными словами.

— Не бойся, — сказала девочка. И снова побежали огоньки, но только уже не зелёные, а голубые. — Не надо пугаться. Я — звезда.

— Как — звезда? Так не бывает!

Девочка засмеялась. Огоньков стало ещё больше. Они были всех цветов радуги.

— Разве ты никогда не видела звёзд на небе? И больших и маленьких...

— Так ведь то же на небе!

— У звёзд есть лучи, которые связывают небо с землёй, — сказала девочка.

— А тебя как-нибудь зовут? — спросила Полина растерянно.

— Ая. Я — девочка-звезда, и меня зовут Ая.

— Как же ты здесь оказалась?

Ая опять засмеялась своим цветным смехом.

— Это-то совсем просто. Ты лучше спроси: зачем?

— За-зачем? — машинально переспросила Полина.
— Так ведь тебе плохо? — сказала Ая.
— Ничего. Температура уже спала.
— Я не об этом говорю. Подумай.

Полина задумалась. Да, перед девочкой, которая свети-
лась и смеялась разноцветным смехом, что было при-
творяться! Хотя Полина вообще-то была девочка скрыт-
ная и не всякому рассказывала, как там у неё на душе
— хорошо или плохо.

«Сокровенная», — называла её бабушка Тая.

— Можешь не говорить, — продолжала Ая. — Звёз-
ды знают про людей гораздо больше, чем ты думаешь.
А я знаю: и про Фокки, и про ковёр, и про модальные
глаголы.

mirknig.com

— Как же так? — робко спросила Полина. — Ты
— звезда, но ты не на небе. И вид у тебя — ну со-
всем как у девочки. Только платье — как будто ты в
костюме Снежной королевы ...

— Звёзды умеют иногда принимать человеческий вид.
Девочка-звезда помолчала.

— Слушай, — сказала она наконец. — А ведь ты
любишь и маму и папу. — Она не спрашивала. Она
просто сказала.

Полина подумала, точно заглянула сама в себя. У
мамы тёплые руки, и так хорошо, когда у неё оказы-
вается время с Полиной поговорить. И папа бывает до-
брым. Он тогда поёт ей:

— Полинет, Полинет,
Слышишь ты или нет?
Коровы сжевали пшеницу.

Это кусочек какой-то французской песенки. И они
тогда оба, папа и Полина, весело смеются.

— Люблю, — сказала она. — И бабушку Таю.
Только...

— Я знаю. Только после того, как получили новую
квартиру и так ей радовались, сами все стали какие-то
безрадостные. Занятые. И в дом перестало приходить
весёлое утро. А жить без весёлого утра нельзя.

Полина кивнула.

— Понимаешь, что случилось, — продолжала Ая. —
У вас в доме поселились хмурцы. Как только все сде-
лались невесёлыми, так они на вас и напали.

— Хмурцы? — удивилась Полина. — Кто это? Звери? Насекомые?

— И не звери, и не насекомые.

— Кто же тогда?

— Они такие маленькие существа. Как пылинки. Только пылинки весёлые, а эти — хмурые.

— Страшные?

— Да не страшные, а вредные. Они любят, чтобы люди были невесёлые, озабоченные, хмурые. Они плетут хмурость из невидимых хмурых нитей и, как пауки, ловят в них весёлые слова, улыбки, смешинки. Ловят и уносят и прячут где-то в далёких пещерах, куда не заглядывают ни люди, ни звёзды. И очень любят делать людям мелкие пакости.

— Как же нам теперь быть? — спросила Полина.

— Тихонечко одевайся, и пойдём.

— Куда? Мне нельзя, я больная, — испугалась Полина. — Меня гулять не пускают. Доктор Дорохов велел дома сидеть.

— Ты уже почти здорова, у тебя нет температуры, — сказала Ая. — Вот увидишь, тебе наша прогулка не повредит.

— А как же мама и папа? И бабушка Тая? Они ведь будут меня искать?

— Решайся, Полина, — сказала Ая. — Многое зависит от тебя.

Полина думала всего одну минутку. Потом быстро оделась. Оглядела комнату. Ах да, вот что! Она приготовила бабушке и маме на день рождения рисунки. Бабушка и мама родились в один и тот же день —

двадцать третьего марта. Эти рисунки — сюрприз. На одном нарисованы пальмы, на них висят гроздьями жёлтые бананы, а на вершине самой высокой пальмы сидит синяя обезьянка. Почему синяя? Потому что коричневый карандаш сломался. А Полине показалось, что синяя даже лучше — смешнее. На другом рисунке пасутся кони. Красивые разноцветные кони на опушке леса. И солнце в небе светит. И плывут большие, похожие на птиц облака. Полина достала с полки третий том Детской энциклопедии, спрятала рисунки между страницами и поставила книгу обратно в шкаф.

— Пошли, — сказала она Ае.

Пока они на цыпочках шли к двери, Ая тихо нашептывала:

— Мы с тобой уйдём неслышно
И тихонечко придём.
Алой розы кустик пышный
В прежнем времени найдём.
В небе ответ голубой.
Ты не бойся: я с тобой!

Глава третья

Ая рассказывает, что надо делать. Странный поезд на границе ветреной пустыни

Лифт не работал. Лампочки на лестнице горели по-ночному тускло. Но в ту ночь это решительно ничего не значило. Ая, девочка-звезда, новая удивительная подруга Полины, так сияла, что было светло, как в летний полдень.

Она негромко говорила, спускаясь по лестнице. Слова её тоже светились, но неярко, на стены лестничной клетки взбегал то один, то другой бледно-сиреневый огонёк.

— Понимаешь, что надо сделать, — говорила Ая По-

лине. — Надо во что бы то ни стало вернуть в ваш дом весёлое утро. И всё будет хорошо.

— А как? Это ведь, наверно, совсем невозможно?..

— вздохнула Полина.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что мама никогда не перестанет носить домой свои глаголы.

— Не может этого быть, — сказала Ая. — Это она берёт дополнительную работу. Потому и домой. Вот увидишь, что перестанет.

— Да никогда! Они хотят купить цветной телевизор! — воскликнула Полина.

— Не помогает, — заметила Ая.

— Как — не помогает? — удивилась Полина. — Не помогает от чего?

— От хмурцов. Цветной телевизор — хорошая вещь. Но от хмурцов не помогает. И потом — о нём не надо думать специально. Понимаешь?

— Понимаю, — сказала Полина. — И тогда не будет хмурцов?

— Меньше, во всяком случае, — задумчиво отозвалась Ая.

— А что же ещё надо? Чтоб совсем, а? — Полина с надеждой заглянула в синие лучистые глаза.

— Надо, чтобы хоть раз настало весёлое утро.

— Ая, ну скажи, скажи, что же для этого мы можем с тобой сделать? Да ещё ночью? Ая, я боюсь!

Ая остановилась. Это было на площадке между третьим и вторым этажами.

— Слушай, Полина, — сказала она медленно, немно-

го торжественно. — И пожалуйста, обещай, что ты не будешь бояться.

— Я слушаю, — прошептала Полина.

— Мы с тобой, ты и я, и ещё кое-кто, а кто — ты сейчас увидишь, должны вернуть в ваш дом весёлое утро. А для этого нам необходимо достать АЛЫЕ И БЕЛЫЕ РОЗЫ ВАРДКЕЗА!

— Но ведь он жил давно! Это было, как бабушка говорит, «сразупослевойны». Он был тогда уже немолодой. Его, наверно, больше нет на свете!

— Что значит — нет? Это ты говоришь совсем даже неточно, — отозвалась Ая.

— Точно, точно, по-моему, бабушка говорила, что Вардкеза уже нет.

— Может, сегодня и нет, — заметила Ая. — Но тогда-то он есть.

— Сразупослевойны?

— Ну конечно. Он есть тогда. И я ведь есть тогда. Это должно нам как-то помочь.

— Ая, — сказала Полина, — а может быть, ты одна...

— Полина, даже и не думай, — перебила её Ая. — Без тебя ничего не получится. Кто это станет со мной разговаривать? Люди пугаются, когда видят перед собой звезду! И вообще... Никто, никто на свете за тебя этого сделать не может. Только ты — для своей семьи. Для папы, для мамы, для бабушки.

Они спустились до первого этажа; аккуратно придерживав парадную дверь, вышли во двор. Но оказались совсем не во дворе, к которому привыкла Полина.

Тот был ещё слегка завален строительным мусором и с чахлыми липками, которые осенью посадили вдоль тротуара. А этот был какой-то двор не двор, пустырь не пустырь, весь покрытый рыхлым тающим снегом.

— Сейчас мы ещё кое-кого позовём. Фокки! — крикнула Ая.

Синий огонёк метнулся куда-то в темноту. И к удивлению Полины, на свет выскочил Фокки, милый Фокки, Полинина заветная, желанная собака! Он так и был, как убежал тогда в парке, — в ошейнике, с вымокшим в лужах поводком.

После того как Полина и Фокки наконец нарадовались друг другу, Полина вдруг сообразила:

— погоди, Ая! Но ведь про Фокки знаю только я одна. В детском саду никто не догадывается даже, и дома тоже. Ведь он есть только для меня — потому что я т а к одна играю...

— Ты ведь очень-очень хочешь, чтоб Фокки у тебя был по-настоящему? — спросила Ая.

— Очень-очень, — подтвердила Полина.

— Вот он у тебя и есть!

— Так мой Фокки — теперь настоящий, что ли? — изумилась Полина.

— Теперь настоящий.

— Но ведь это же чудо! А чудес не бывает, — добавила Полина неуверенно и погладила Фокки.

Ая опять, как тогда в комнате, рассмеялась разноцветным смехом.

— Да как же не бывает, когда бывает! Чудеса встречаются прямо на каждом шагу! Вот увидишь. Сама

увидишь!

Полина вспомнила, как папа говорил бабушке: «Чудес не бывает, Таисья Гурьевна, вещи сами в дом не придут».

И они, правда ведь, сами и не приходили.

Это сейчас немного сбивало Полину с толку. И то, что Ая, светлая девочка-звезда, говорила так мудро, почти как взрослая, тоже удивляло Полину. Правда, она подумала: «Ая сказала, что она была тогда, в „сразу после войны“. А может, она была и раньше? Она ведь звезда! А звёзды всегда светят на небе! Как всё непонятно! Как интересно! Может быть, всё-таки бывают чудеса? »

Ая наклонилась, стряхнула капли с мокрого поводка, сказала:

— Ну, Фокки, миленький! Ищи. Нам надо найти дорогу к волшебному вокзалу. Не то поезд уйдёт, и нам придётся ждать другого долго-долго.

Фокки ткнулся носом в Полинину руку, потом стал пристально нюхать землю, искать дорогу.

Нет, Полине явно эта местность не была знакома. Но Фокки нанюхал дорогу. Мартовский тающий снег перестал хлюпать у Полины под сапогами. Сапожки почему-то не промокли. А между прочим, могли бы и промокнуть по такой слякоти. Ая шла рядом, как шла бы, например, Полинина детсадовская подружка Люба. Люба ходила очень легко. Полина пригляделась. Нет. Ая шла ещё легче, ещё воздушнее, а вместе с тем она была даже чем-то похожа на Любу. Совсем-совсем немножко. А потом... Да нет! Какая там Люба! Ая вся светилась, и слова её были не только звук голоса, а ещё и блеск и цвет!

Фокки резво бежал впереди, Ая спустила его с поводка и поводок отдала Полине.

Ночь всё длилась и длилась. Но как ни странно, время года стало постепенно меняться. У них там, возле дома, был март. А тут вдруг донёсся запах согревающейся майской земли, потом цветущей черёмухи, потом сирени. Но постепенно эти запахи исчезли, и запахло грибами. Дорога вошла в лес. Грибной запах усилился. Деревья в лесу стояли не шелохнувшись. Не качалась ни одна ветка. Не вздрагивал ни один лист.

Полина вдруг с удивлением заметила, что и веток, и листьев на деревьях вовсе нет. Они высились какими-то странными глыбами. Полина дотронулась до одного из них и сразу же отдернула руку. Дерево было холодное и неприятно скользкое.

— Ая, что это? Куда это мы пришли? — воскликнула она. — Что это за странные, неприятные деревья и почему так пахнет грибами?

— Это же вовсе не деревья, — сказала Ая. — Ты никогда не видала такого леса. Это сморчковый лес.

— Смorch-ко-вый?

— Ну да. Здесь растут гигантские грибы сморчки, высокие-превысокие. Они сами себе деревья и сами себе грибы.

Полина подумала, что это надо запомнить и обязательно потом рассказать бабушке Тае. Вот она удивится!

Фокки вдруг кинулся в сторону. Полина испугалась, что он, как это обычно бывало, убежит и исчезнет. Но Фокки тут же вернулся и стал громко лаять.

— Полиночка, Полиночка! — обрадованно закричала Ая. — Мы дошли. Вот и вокзал.

Разноцветные огоньки ринулись туда, откуда только что прибежал Фокки.

— Хотя, кажется, тут нам будет непросто, — добавила Ая задумчиво. — Я вижу одного человека... Вот досада...

И тут Полина увидела вокзал. Странно. На кирпичном здании, там, где обычно бывает написано название станции, значилось просто слово «ВОКЗАЛ». У единственного перрона стоял поезд. Чудные вагоны — товарные не товарные, пассажирские не пассажирские. Вроде бы такие, в каком Полина с мамой ездили на юг. Но тогда где же окна? И самое удивительное, что поезд стоял без рельсов — прямо на земле. С той стороны, где должен бы оказаться паровоз, или тепловоз, или электровоз, ничего не было прицеплено.

«Электричка это, что ли?» — подумала Полина. Перед каждым вагоном высилось несметное количество одинаковой величины ящиков. Народу никакого не было. Только вдоль состава ходил один-единственный угрюмо-

го вида человек и грузил эти ящики в вагоны.

— Здравствуйте, — сказала Ая.

Человек резко обернулся и молча уставился на всю компанию. Довольно долго помолчав, он сказал неприветливо:

— Чего надо?

Фокки гавкнул. Ая велела ему молчать. Полина вообще не знала, что сказать. Заговорила Ая:

— Если я не ошибаюсь, вы — Шкандыба?

— Ну Шкандыба. А ты я уже вижу кто. И что это, в самом деле, звёздам на небе не сидится? Чего тебе?

— Нам надо в город Крутогорск, в «сразупоследвойны».

— Пассажиров не возим. Вон — ящиков полно. Понятно? А тут ещё девчонки, собаки, звёзды... Много охотников наберётся. Помогли бы лучше грузить. А то Шкандыба и тут вкалывай — нагружай, Шкандыба и там вкалывай — разгружай. И кто ты есть — то ли грузчик, то ли машинист, то ли тутошний, то ли тамошний, — сам не знаешь. Ишь, в Крутогорск им занадобилось! В «сразупоследвойны», видите ли.

— Вы не сердитесь, — попросила его Ая.

— Как же не сердиться, — бурчал Шкандыба. — Не возим мы сегодняшних пассажиров туда. Те времена для здешних прошли.

— Но я-то могу и там быть и здесь, вы же сами видите, — настаивала Ая.

— Допустим, вижу. Что я, звезду от девчонки не отличу, что ли? Собака, положим, мысленная. Ей в любом времени можно быть. Ну а подружка-то твоя? Подружка-то — сегодняшняя, здешняя. И без разгово-

ров. И проваливайте! Звёзды, понимаешь ли, собаки, а поезд ещё не нагруженный стоит.

И тут Ая, улыбнувшись и пустив вдоль вагонов разноцветные огоньки, вдруг хитро сказала:

— А вы приглядитесь хорошенечко.

— Чего тут приглядываться? Есть мне когда приглядываться.

— Девочка тоже тогдашняя, — продолжая хитро улыбаться, говорила Ая. — Разве вы не видите — косы.

— Чего? — по-прежнему неласково спросил Шкандыба.

— Косы. Теперешние девочки — стриженные.

— Это верно, — бурчал Шкандыба. — За модой глядят. Подстригаются по моде с трёхлетнего возраста.

— Да, да, — закивала Ая. — Верно. И я про то же говорю. Но у этой девочки — косы. Тогдашние косы. Вы что, не видите разве?

— Мммм, — помычал Шкандыба. — Косы, оно конечно.

— Ну, значит, и она тогдашняя получается. Ну хоть немножко-то получается?

— Разве что, — засомневался Шкандыба.

— Вот и возьмите, возьмите нас с собой!

— Ты вот звезда — и понимать должна. Нам же ехать через Ветреную Пустыню.

— Я знаю, — спокойно отозвалась Ая. — Поезд как раз и стоит на границе Ветреной Пустыни.

— Ну так вас сдует! Продует, и раздует, и выдует!

— Ты когда-нибудь видел, чтобы ветер сдул откуда-нибудь хоть одну звезду? Ну хоть раз? Ветер подул —

и звезда покатилась?

Ая так горячо убеждала Шкандыбу, что не заметила, как с почтительного «вы» перешла на «ты».

— Ну ладно, Шкандыба, ну давай попробуем, — не отставала Ая.

— Тебе хорошо пробовать, ты звезда. А они — люди. Тьфу ты! — добавил он, взглянув на Фокки. — Ну всё равно они — другие.

— Но я-то ведь вот она, с ними! — сказала Ая громко, и разноцветные огоньки снова побежали вдоль вагонов.

— Ну ладно. Только давайте быстро помогайте грузить ящики.

Фокки бегал вокруг и тявкал, а Полина и Ая стали поднимать ящики и по дощатому настилу таскать их в вагоны.

Странное дело! Одинаковые по форме и величине, они весили совсем неодинаково. Одни были лёгкие, почти невесомые. А другие — не поднять их вдвоём, приходилось звать на помощь мрачного Шкандыбу.

— Что в этих ящиках? — спросила Полина.

— В ящиках, барышня, время. Минуты, часы, дни. Те, которые уже прошли. Они упакованы в ящики, — ответил Шкандыба уже не таким грубым голосом.

— А почему одни полные, а другие пустые?

— Точно что пустые. Но только пустые те, которые едва поднимешь. Потому что это попусту потраченное время — на болтовню, на безделье, на пустые дела.

— И... как же?

— А так. Пустота времени — очень тяжёлая вещь. Можно сказать, неподъёмная.

— А лёгкие ящики — что же?

— А лёгкие наполнены действительно нужными, полезными часами. От добрых и полезных дел легко на душе. Вот и ящики лёгкие! А ну — пора! Пора! — вдруг завопил Шкандыба. — Ветер! Открывай границу своей Пустыни! В путь! В путь! По-е-ха-ли!

Ая быстро прошмыгнула в вагон, втащила за собой Полину и Фокки. Заперла изнутри двери и обхватила-обняла сразу обоих: Полину и Фокки.

— Ну, держитесь. И только бы у вас не закружилась голова! — сказала она.

Глава четвёртая

Остров говорящих лошадей. Где же Ая?

Легко сказать — «не закружилась»! Поезд понёсся, полетел, точно это не поезд, а космическая ракета, в которых улетают космонавты в далёкое и загадочное небо. Окон в вагоне не было, поэтому не было видно, что делается снаружи, но было слышно, как там дует, завывает, свищет ветер. Сотни, тысячи, миллионы ветров! Фокки опустил обрубок своего хвоста и плотно прижался к Полине. Полина с ужасом прислушивалась к свисту и завыванию ветра и не могла вымолвить ни слова.

Вау-уу! Воу-уу! Виу-уу! — доносилось снаружи.

— Ая, тебе не страшно? — спросила Полина.

— Могло быть и не страшно, — сказала Ая, — но эти увязались за нами, а от них можно ждать всего, чего хочешь. Вернее, чего совершенно даже не хочешь.

— Кто — эти?

— Хмурцы. Им так не хочется, чтобы у вас в доме настало весёлое утро. Им тогда придётся убратъся вон... Не смейте! Не трогайте запоры на дверях! — закричала Ая сердито, и тёмно-синие огоньки метнулись к двери вагона.

Полина в синем свете увидела по крайней мере десяток маленьких, безобразных, сморщенных, серых мордочек.

В то же самое мгновение дверь распахнулась, и в неё с воем ворвался могучий вихрь.

— Полина! Фокки! — закричала Ая.

Всё произошло ещё быстрее, чем закрыть и открыть глаза. Вихрь подхватил Полину и Фокки, точно закутал их в плотную простыню, и вынес из вагона. Поезд, несшийся на дикой скорости, тут же скрылся из виду. Полина и Фокки даже не успели понять, что они, завернутые в плотный, какой-то полотняный туман, стремительно опускаются.

Так же неожиданно, как и налетел, туманный вихрь растаял, и оба оказались на земле, на траве, в лесу с высокими, по-летнему шелестящими листвою деревьями. В небе занималась заря.

Сначала они долго лежали на шелковистой траве, не в силах оправиться от потрясения. Первым поднялся на ноги Фокки, лизнул Полину. Полина потрянула головой. Села.

— Где мы, Фокки?

Фокки тихонько гавкнул и заскулил.

— Фокки, ты знаешь, нам, наверно, всё просто снится, — сказала Полина. — Ну ведь так же всё-таки не бывает? Где Ая?

Она протянула руку, думая, что Фокки исчезнет. Он не исчезал. Он был тёплый.

Фокки побежал направо, потом налево. Прибежал. Сел возле Полины. Полина встала. Огляделась. Позвала:

— Ая!

Никто не отзывался.

Только шелестели деревья, только мягко перебирали листьями кусты.

«Откуда листья? — мелькнуло в голове у Полины. — Ведь сейчас март. Или здесь, где мы очутились, совсем другое время года? »

— Фокки, если нам это всё не снится, то мы, значит, пропали, да? — говорила Полина, а Фокки молча и печально её слушал. — Мы пропали! А главное — никогда не придёт к нам в дом весёлое утро! Какое уж тут весёлое утро! Папа, и мама, и бабушка Тая проснутся, а меня и вовсе нет. Это ведь будет ужас, а совсем даже никакое не утро, Фокки!

Слёзы уже накопились в каждом Полинином глазу и собирались сбежать оттуда, как вдруг кусты осторожно раздвинулись и перед ними предстал конь. Красивый белый конь, с длинной шелковистой гривой. Он подошёл к Полине, встал прямо перед ней и низко ей поклонился. И вдруг заговорил, как человек, понятными словами:

— Приветствую тебя на вечнозелёном Острове Говорящих Лошадей, прекрасная Хозяйка.

— Но я вовсе никакая не хозяйка, — сказала Полина робко. — Я просто девочка. Меня зовут Полина. А это — Фокки. Честное слово, я ничья не хозяйка! Вот разве что его. — И она показала на Фокки.

— Не говори так, — продолжал Белый Конь торжественно и грустно. — Идите все сюда! — позвал он, обращаясь в сторону кустарников. — Идите скорее. К нам наконец-то прибыла Хозяйка.

И вдруг из-за всех кустов стали выходить лошади, лошади, лошади. Их собралось вокруг видимо-невидимо. И каждая прежде всего подходила и кланялась Полине. Девочке не было страшно, потому что лошади вели себя спокойно и учтиво. С тем, что они умеют говорить, как люди, она очень быстро освоилась.

Когда вокруг Полины собрались, похоже что, все лошади со всего острова, они, окружив её тесным кольцом, снова медленно и молча, как по команде, отвесили ей три глубоких поклона.

— Я ничего не могу понять, — сказала Полина. — Почему вы мне кланяетесь? Я обыкновенная девочка. Я хожу в старшую группу детского сада и скоро пойду в школу. Мне надо достать алые и белые розы у Вардкеза. Вы, случайно, не знаете, где теперь Ая? Ая — это девочка-звезда.

Белый Конь, который первым встретил Полину, видимо, и был старшим, он первым и отозвался:

— Милая Хозяйка, ты говоришь много слов, смысл которых нам неясен. Мы не знаем, что значит «стар-

шая группа детского сада», и мы незнакомы с Вардкесом, и никакая звезда никогда не посещала наш остров. Ты спустилась с неба на вечнозелёный Остров Говорящих Лошадей. Этот остров находится посреди Ветреной Пустыни.

— Разве бывает остров не в море и не на реке? — удивилась Полина.

— Не бывает, — ответил Белый Конь. — Наш остров — единственный, который находится посреди Ветров, а не Воды. А теперь послушай, пожалуйста, я объясню тебе кое-что.

Все лошади дружно закивали головами:

— Объясни, объясни.

Белый Конь продолжал:

— В давние-стародавние времена один человек держал лошадей. Он наживал на них деньги. И совсем их не любил. А лошади не могут, когда их не любят.

— Не могут, не могут, — снова закивали стоявшие вокруг Полины лошади.

— И вот лошади — а это были наши предки — оставили его, долго скитались по свету и наконец поселились на вечнозелёном острове. Это прекрасный остров. Здесь всегда тепло. Здесь вечное лето. Но наши предки быстро поняли, что, каким бы ни было прекрасным место, оно плохо для лошади, если рядом нет человека. Некому сказать ей ласковое слово и потрепать по холке. Некому запрячь в телегу или прокатиться верхом. Лошадь не выносит безделья. Она любит работу. А потом, после дневных трудов, любит ночью пастись на лугу. И чтобы рядом был человек. Чтобы он жёг костёр и вёл

бы тихую ночную беседу с друзьями. Словом, лошади нужен хозяин. И наши предки-лошади стали гадать, как им быть. Они спрашивали ветры и солнце, луну и дожди. И то, что те им ответили, они нанесли на пергамент. Но пергамент этот затерялся в пыли веков. Мы не знаем, где он. Мы только слышали от стариков, что хозяин однажды к нам прилетит. И тогда всё опять будет хорошо. Он будет пахать и сеять. Будет скакать верхом и запрягать нас в телегу. И вот — сегодня ты прилетела. Поэтому мы приветствуем тебя и кланяемся тебе. Ты останешься у нас навсегда.

— Я бы осталась с вами, — сказала Полина. — Но я не умею быть хозяйкой и не умею пахать, и сеять, и запрягать лошадей в телегу. Я вообще очень мало чего умею. Скажите мне, пожалуйста, как же мне добраться в город Крутогорск? Ая пропала. Я совсем, совсем не знаю, как мне быть!

Полина снова собралась плакать. Что ещё остаётся делать в таком удивительном и при этом безвыходном положении? Чтобы удержать слёзы, Полина посмотрела вверх. На небе, хотя уже наступило утро, всё ещё светила одна малюсенькая звёздочка.

Глава пятая

Полина в отчаянии. Облачная птица Чур

Ничего, — сказал Белый Конь. — Это ничего. Ни один жеребёнок ещё не остался жеребёнком. Все жеребята становятся лошадьми.

— Да, да, — согласно закивали остальные лошади.

— И ты вырастешь и станешь Хозяйкой. И всему научишься. Ты наша. Ты нам нужна.

Полина молчала.

И тут случилось нечто совершенно неожиданное. Лошади придвинулись совсем близко к Полине. В одно мгновение она оказалась на спине у пегого коня, и все во главе с Белым Конём помчались, увозя Полину на другой конец острова. Фокки кинулся следом, залаял,

заскулил, но ему не угнаться было за лошадьми, и он постепенно отстал и потерялся из виду.

Лошади добежали до маленькой поляны где-то в самой глубине густого леса и спустили Полину на траву. Полина скорчилась на земле, ткнулась носом в траву и зарыдала, не в силах сладить с горьким своим отчаянием. Мама — далеко. Папа — далеко. Бабушка — далеко. Ая — неизвестно где. Фокки потерялся. И вот она, маленькая и беззащитная, среди лошадей, которые хотят, чтобы она стала настоящей хозяйкой, конюхом, и наездником, и ещё чем-то, что Полина не знает, как называется. Кто делает телегу? А уздечку? Она из какой-то книжки помнила, что у коня бывает уздечка.

А ещё что? Кажется, вожжи. Больше Полина не знала ничего.

Она плакала, и плакала, и плакала. Лошади стояли в полном молчании, по-видимому тоже огорчённые. Они так надеялись, что наконец-то на острове появится Человек. И он им поможет. И наконец-то кончится их безделье, которое для лошадей хуже болезни. Потому что лошадь — это умное, доброе и работающее животное. Они надеялись, что девочка вырастет и построит дом. Лошади ведь домашние животные. Они любят жить при доме. Но, видно, что-то такое не получалось. Не сходилось с тем, что предсказывали предки. Человек должен был прилететь. Он и прилетел. Ну, пусть маленькая девочка. Но ведь всё-таки Человек. Но оказывалось, что она может только отчаянно плакать, и больше ничего. Лошадям стало её жалко.

— Мы приняли тебя за Хозяйку. Мы ошиблись. Из-

вини нас, — сказал Белый Конь. — Только я не знаю, что же нам теперь делать.

Полина перестала плакать и взглянула на лошадей. Много больших лошадиных глаз глядели на неё с участием.

— Я знаю, что надо, — проговорила Полина сквозь слёзы. — Только не знаю — как. Надо найти Фокки. Надо добраться до Крутогорска. В то время, которое называется «сразупоследвойны». Надо, чтобы нашлась Ая.

Полина снова всхлипнула.

— Не плачь, — стал утешать её Белый Конь. — Мы сейчас попробуем посоветоваться с нашими друзьями — маленькими ветерками.

У Полины шевельнулась робкая надежда.

Лошади застыли в молчании. Они стали прислушиваться. А по деревьям и кустам прошёл шелест. Шелест стал нарастать. И вот уже не было ни единой веточки, ни единого кусточка, ни единого листочка и травинки, которые не колыхались бы и не шептали. Ветерок растрепал Полинины косы. Потом вдруг всё разом стихло. Белый Конь печально произнёс:

— Ветерки говорят, что они ничего не могут сделать. Они слабенькие. Им не по силам справиться с Ветрами Ветреной Пустыни.

— И ничего, ничего нельзя придумать? — спросила, всё ещё на что-то надеясь, Полина.

Белый Конь тряхнул своей прекрасной гривой.

— Мне жаль очень. Но — ничего. Совершенно ничего. Если только не...

— Прости, что перебиваю тебя, — сказал внезапно

один из коней. — Настал час Песни. А ведь мы по велению предков должны петь её именно в этот час, чтобы не угасала надежда. Прости ещё раз, что я взял на себя смелость напомнить.

— Благодарю тебя, — сказал Белый Конь. — Ты ни в чём не виноват. Ты поступил правильно.

Белый Конь ударил правым передним копытом о землю.

Это был сигнал начинать песню. И все лошади запели хором, слегка откинув головы назад, точно глядя в небо:

— В небе ясные светила,
Быстрых птиц полёт,
Может быть, Хозяин милый
Скоро к нам придёт.

Дальше шёл припев:

Ветер, вей, вей, вей!
Вихрь, вейся, вейся, вейся!
Ты не падай духом,
Эй!
Ты надейся... Ты надейся!

Чередой идут века,
Их немало пролетело.
Грустно нам без ездока,
И без дела, и без дела.

Лошади секундочку помолчали и потом снова выразительно спели припев:

— Ветер, вей, вей, вей!
Вихрь, вейся, вейся, вейся!
Ты не падай духом,
Эй!
Ты надейся, ты надейся!

Пропев песню, лошади ещё некоторое время постояли молча, глядя в небо, потихонечку разошлись и исчезли за деревьями.

Возле Полины остался только Белый Конь.

— Мне жалко, что всё так получилось, — сказал он.
— Мы очень огорчены.

— И я, — печально сказала Полина.

По примеру лошадей она тоже поглядела на небо. Солнце всходило ясное, но не горячее. Оно за это время поднялось уже довольно высоко. Чистые пушистые маленькие облачка пролетали мимо, на секундочку скрывая и тут же снова открывая его доброе лицо.

— Так вот, — сказал Белый Конь, — есть для тебя одна-единственная надежда.

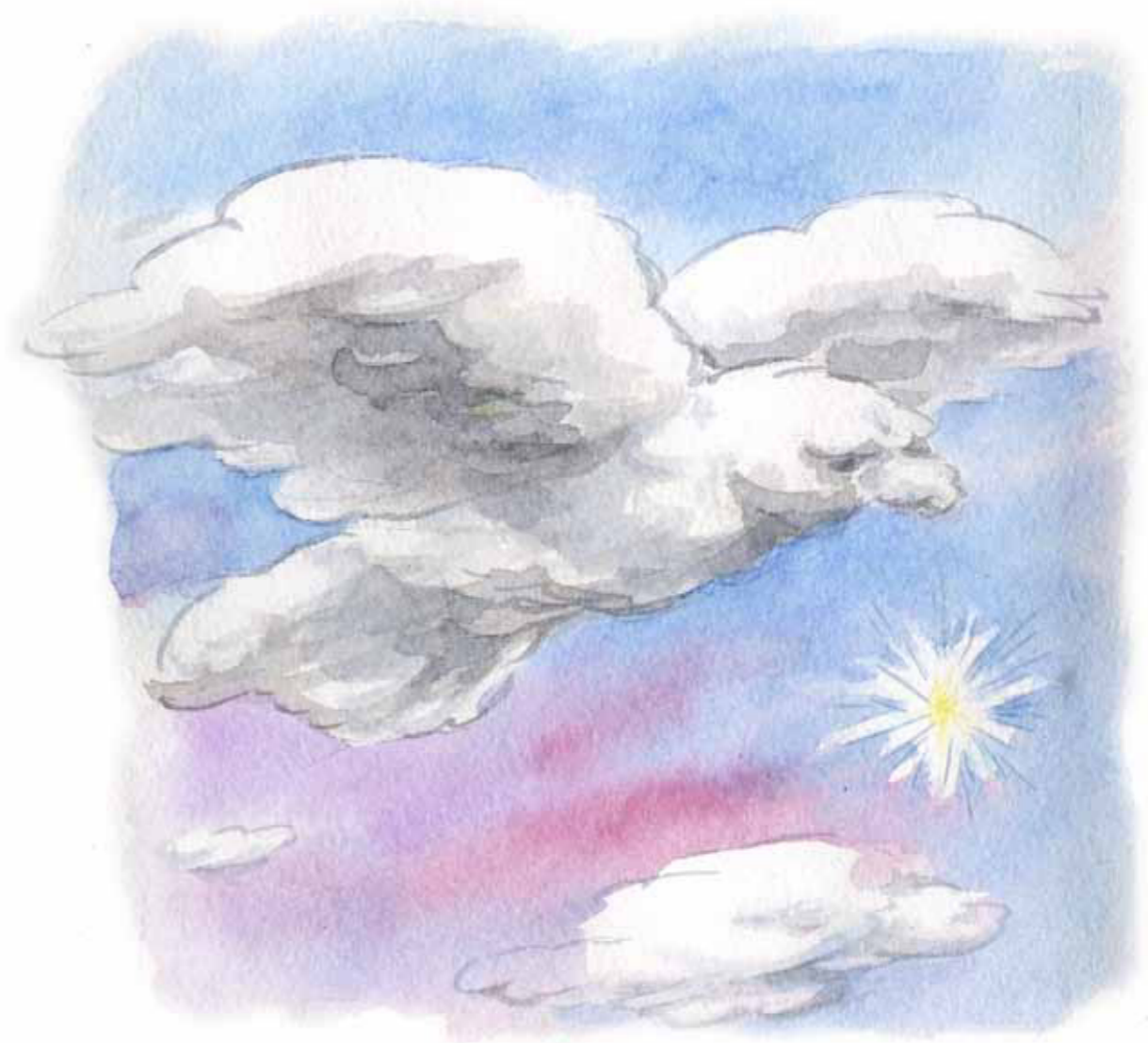
— Правда? — не поверила своим ушам Полина.

— Я хотел тебе об этом сказать, когда настало время Песни. К сожалению, это слабая надежда.

— Ну хоть маленькая-малюсенькая? — почти прошептала Полина.

— Видишь облака в небе? — спросил Белый Конь.

— Вижу, очень красивые.

— Да. Только смысла в них — никакого.

— А какой вообще может быть от облаков смысл?

— Слушай. Есть одно могучее облако — облачная птица Чур. Только она может не подчиняться Ветрам Пустыни, и подниматься, и опускаться, и лететь куда захочет.

— Облачная птица Чур? Я никогда про такую не слыхала.

— Всё дело в том, как её вызвать с неба... — вздохнул Белый Конь.

Несмотря на то что солнце уже светило вовсю, та самая маленькая звёздочка всё ещё была видна на небе.

— Как ты думаешь, — спросила Полина у Белого Коня, — может быть, это Ая?

— Ты имеешь в виду вон ту маленькую звёздочку?

— Да.

— Если это она, если это она, — задумчиво проговорил Конь, — что ж, может быть, ей удастся... Гляди! Гляди! — вдруг перебил он сам себя. — Видишь?

Полина посмотрела, прищурившись, но всё так же светило тёплое розовое солнышко, мимо него всё так же проплывали чистенькие, беззаботные и, как выяснилось, бессмысленные облака.

— Да нет, вон там, на самом горизонте!

На горизонте действительно показалось облако потемнее и побольше других. Оно медленно плыло по небу всё в том же направлении, что и остальные облачка. И вдруг... вдруг оно круто повернуло, как будто сильный ветер подул в другую сторону. Оно направилось к маленькой звёздочке. Вот оно совершенно отчётливо приняло очертания гигантской, с огромным размахом крыльев птицы.

— Это облачная птица Чур! Нам всего несколько раз удавалось заметить её на небе.

«Хоть бы она прилетела за нами, хоть бы она прилетела за нами! — быстро-быстро повторила про себя

Полина. — Но надо, надо ведь ещё найти Фокки...»

Облачная птица покружила как раз в том месте, где мерцала звёздочка, потом она точно склонула звёздочку, и Полина в ужасе закрыла лицо руками.

Но Белый Конь сказал ей:

— Не бойся. Значит, эта звёздочка точно твоя подруга Ая.

Птица становилась всё больше и больше. Птица была всё ближе и ближе. Вот она уже кружит над маленьким островом. Кружит, кружит и вдруг, сложив крылья, устремляется вниз. У Полины замерло сердце. Она зажмурилась.

Полина открыла глаза, услышав, что её громко окликают:

— Полинка! Полина! Полиночка!

Разноцветные огоньки скакали-плясали по деревьям, по траве, по гриве Белого Коня.

— Ая!

Не помня себя, девочка и звезда кинулись друг к другу, и обе чуть не заплакали от радости. Но всё-таки не заплакали. И поэтому мы до сих пор не знаем, как плачут звёзды.

Глава шестая

Фокки ведёт раскопки. Птица Чур даёт обещание

Полина! — торопливо говорила Ая. — Хмурцы чуть было не погубили тебя! Они хотели, чтобы ты никогда-никогда не добралась до алых и белых роз Вардкеза! Они открыли вагонную дверь! И ветры вас унесли! Шкандыба не может останавливать поезд на такой скорости. Ах, как я за тебя боялась! Если бы не птица Чур!

— Ая, я не понимаю, раз птица Чур... А почему мы её с самого начала не попросили? Мы ведь тогда могли обойтись без Шкандыбы и этого странного поезда. Или нет?

— Конечно, могли бы. Но у птицы Чур такой ха-

рактер. Она редко появляется там, где её больше всего ждут! Такое счастье, что она в этот раз пролетала совсем близко от меня. Спасибо тебе, птица Чур, — сказала Ая с чувством, обращаясь к облачной птице.

Птица Чур была белая с серыми подкрыльями. Голова и клюв были как у орла, только значительно больше, чем у самого большого орла — кондора.

— Хватит, хватит! — сказала она резким и, как Полине показалось, ворчливым голосом. — Это, что ли, твоя подружка? Собирайтесь скорее. Я отнесу вас в Крутогорск и, надеюсь, не скоро теперь увижу. Терпеть не могу, когда меня заставляют лететь туда, куда я не собиралась. Я вам не перевозчик.

— Ты же добрая, птица Чур! — засмеялась Ая. — Не делай вид, что ты сердисься!

— Я уже сказала: я лечу, куда лечу, я не люблю, когда меня останавливают. Поторопитесь!

Белый Конь явно собирался обратиться с какими-то словами к птице Чур, но её сердитые речи его, по видимому, путали.

Вдруг по траве проскакали невесёлые тёмно-синие огоньки. Это оттого, что Ая воскликнула с тревогой:

— Полина, а где Фокки?

Полина опустила голову.

— Он отстал от лошадей и потерялся, — сказала она с тоской.

— Как же так? Надо его немедленно разыскать! — сказала Ая.

— Ну вот! — опять заворчала гигантская птица. — Я совершенно не намерена ждать. Летим, иначе я улечу

одна.

— Нет, милая птица Чур, ты этого не сделаешь. Согласись, не можем же мы бросить свою собаку!

— Бросать никого нельзя, — так же ворчливо продолжала птица. — Друга, собаку, птицу, кошку, подружку. И облако. И дерево. Ничто живое непозволительно бросать.

Полина, может быть, и спросила бы: «А разве облако — живое?» — но вспомнила, что птица Чур — хоть и такая огромная и даже сердитая — всё-таки облачная.

— Фокки, ко мне! — без всякой надежды позвала Полина.

Полная тишина. Фокки, видно, был далеко и поэтому не отзывался.

— Фокки! Фокки! Фокки!

Ничего не слышно. Только ровно дышит Белый Конь и сердито хлопает облачными крыльями птица Чур.

— Ну, скоро ли придёт ваша собака? Самой мне её искать, что ли?

Белый Конь огорчённо произнёс:

— Боюсь, тут виноваты мы. Нам так хотелось, чтобы девочка осталась у нас. Мы должны сами поискать собаку. Почтенная птица Чур не сможет её найти: тень от облака закроет листву. А листва слишком густа на острове.

Он кликнул лошадей и велел им искать Фокки.

— Птица Чур, добрая птица Чур, пожалуйста, не улетай. Пёсик найдётся. Хмурцы унеслись на поезде со Шкандыбой. Здесь нет врагов!

— Только скорее! — не преминула воркнуть птица Чур.

А как скорее? Ая и Полина обежали всё вокруг, ворошили длинные стебли травы, заглядывали под каждый кустик.

Ну нет его, и нет его, и нет его решительно нигде!

— Ая, — всхлипнула Полина, — может, он теперь уже больше никогда не найдётся?

Время шло. Фокки не находился. Не возвращался и никто из лошадей.

— Я лечу, куда лечу, и терпеть не могу, чтобы меня заставляли делать то, что я не собираюсь. Я, кажется, это уже всем объяснила, — ворчала птица Чур.

Было ясно, что ещё немного — и её независимый характер возьмёт верх над её добротой, и она, раскинув свои широченные белые крылья с серыми подкрыльями, унесётся в небо.

Вдруг из чащи леса донёсся громкий голос одного из коней:

— Сюда! Сюда! Все скорее сюда!

Все, кроме птицы Чур, которая только и пробормотала: «Ну наконец-то!» — кинулись в лесную чащу. Первым — Белый Конь, за ним следом Ая и Полина. Одному ему известной самой короткой тропой Конь бежал на призывающий голос. И со всех концов леса к нему тоже бежали остальные лошади.

И что же они все увидели?

Фокки, живой и здоровый, ни на кого не глядя и никого не слушая, обеими лапами рыл, рыл, рыл сухую землю. Вокруг него разлетались серые пыльные фонтаны, а он всё копал, копал и копал как заведённый. Яма, которую он вырыл, была уже довольно глубо-

кой. Кажется, он разворошил всю накопившуюся здесь «пыль веков»!

— Фокки! Это ты? Фокки! Ты нашёлся! Вот радость-то! — воскликнула Полина.

Но Фокки, поглощённый своей «работой», не услышал её, прыгнул в яму, еле выкарабкался со дна и с восторгом вытащил оттуда нечто очень пыльное. Он положил свою добычу к ногам Полины и стал изо всех сил отряхиваться.

Полина наклонилась и взяла в руки этот странный «подарок». Это был свёрнутый в свиток пергамент!

Полина и Ая развернули свиток. Лошади замерли.

Что же было в нём сказано?

А в нём ничего не было сказано, а был только нанесён бледный выцветший рисунок. На рисунке изображалась птица, которая была в точности похожа на бледное, будто вылинявшее, изображение птицы Чур. А мужчина... Чудно и непонятно. Мужчина чем-то отдалённо напоминал... кого бы вы думали? Доктора Дорохова!

— Так всё-таки это должен быть именно Хозяин! — взволнованно произнёс Белый Конь. — И эта Птица! Та самая Птица! Птица должна принести его к нам! Вернёмся скорее к птице Чур и будем её просить.

Все двинулись туда, где нетерпеливо ждала птица Чур.

— Ая, что это? — спросила Полина, пока они шли. — Что это Фокки откопал?

— Гадание лошадиных предков. На нём изображена птица Чур, которая должна принести им Хозяина.

— А почему он похож на доктора Дорохова?

— Ты что-то путаешь, — сказала Ая. — Древние лошадиные предки не могли знать твоего доктора Дорохова.

— Ну, отыскалась ваша собака? — едва завидев всех, закричала птица Чур. — Летим, наконец?

Ни Ая, ни Полина ничего не успели ей ответить. Потому что все лошади, все до единой, окружили птицу, Белый Конь положил перед ней развёрнутый пергамент.

— Что это? — спросила птица брезгливо.

А все лошади, все до единой, молча стали перед ней на колени.

— Что это за игры? Что вы хотите от меня ещё, несносная публика?

Белый Конь заговорил торжественно:

— Вглядись внимательно, птица Чур! Это предсказание наших предков. На твою долю выпадает помощь и спасение.

— Что это ещё за «помощь и спасение»? — перердразнила его птица.

— Вглядись хорошенько в этого человека. Это Хозяин, которого мы ждём и о котором поётся в нашей заветной песне. Принеси к нам этого человека через Ветреную Пустыню. Он будет с нами жить. Он построит дом. А мы будем работать. У нас будет дело!

— Вообще-то я лечу, куда лечу, и никто не волен мной командовать. Но раз вы все так об этом просите, я даю вам обещание: хорошо, я это сделаю, когда настанет час, — ответила птица Чур.

— О! — счастливо выдохнули все лошади разом.

— Но ведь я не знаю, где он, откуда вам его принести. Вы мне можете сказать, где он живёт? Кто он?

— Не-е-ет, — сказали опять все лошади разом. — Мы не знаем.

— Ну ладно, — сказала птица Чур. — Раз я обещала, я обещаю. Облачная птица Чур не бросает слов

на ветер. Ей это может слишком дорого обойтись. Так Ветры могут её вообще разнести по кусочку. Нет, птица Чур не бросает слов на ветер, — повторила она. — Я принесу этого человека к вам, как только он будет найден. Хотя я и не перевозчик, — добавила она ворчливо. — А теперь быстро прощайтесь — и в путь! — сказала она Ае и Полине. — Я надеюсь, ваша собака здесь и не занята больше раскопками?

И вот уже Ая, Полина и Фокки взобрались на спину гигантской птицы и поднимаются в воздух.

Над ними голубеет ясное, безоблачное небо, в небе прохладно и тихо, а снизу, с вечнозелёного Острова Говорящих Лошадей, до них доносится песня:

Ветер, вей, вей, вей!
Вихрь, вейся, вейся, вейся!
Ты не падай духом,
Эй!
Ты надейся, ты надейся!

Глава седьмая

Куда девался татарский мост? Разговорчивый старичок на перевозе

Птица Чур летела плавно, и лететь с ней было не страшно. Её перья укрывали от ветра, и поэтому Полине было совсем не холодно. Очень скоро птица Чур стала снижаться и опустилась далеко за городом.

— Терпеть не могу бывать близко от человеческих городов, — сказала она. — Слишком много потом возникает разговоров. Начинаются толки про летающие тарелки и прочее. А я — облачная птица и совсем не желаю, чтобы меня считали посудой, хотя бы даже и

летающей. Достаточно того, что я принесла вас в «сразу-послевойны». Это то время, о котором вы меня просили. Крутогорск находится вон там... — И она махнула крылом, указывая направление. — Идите и возвращайтесь скорее. Меня ждут там, где меня ждут, а я из-за вас всё никак не могу туда добраться. Ступайте по той дороге. И уж будьте любезны, не заставляйте меня торчать тут сто лет.

Полина, Ая и Фокки быстро двинулись, куда им махнула птица Чур. Было прохладно. Снег почти стоял, и кое-где маленькими зелёными щёточками пробивалась новая весенняя трава. Дорога шла через сосновый лес. Сосны росли не часто. Бор был светлый. Деревья о чём-то между собой неумолчно переговаривались, время от времени роняя длинные, скреплённые с одного конца двойные иглы. Воздух был душистый, от земли шёл лёгкий пар, и казалось, будто весь лес был затянут прозрачной душистой тканью. Вон и опушка виднеется. Сейчас они дойдут до неё и посмотрят, куда дальше поведёт их дорога. Может, Крутогорск покажется вдали, и тогда они быстро туда пойдут, и отыщут Вардкеза, и попросят у него алые и белые розы.

Вдруг Полина остановилась, точно ноги её прилипли к земле. Фокки подбежал к ней и заглянул в лицо.

— Ая! Какой ужас, Ая! — воскликнула она.

— Ты что, Поляночка, что с тобой? — спросила Ая.

— Ая, — продолжала Полина, — но ведь тут не Остров Говорящих Лошадей!

— Я не понимаю, — отозвалась Ая. — При чём тут это?

— Потому что остров — вечнозелёный. А здесь — ты видишь?

— Что — видишь?

— Здесь тоже, как и у нас, весна. Ранняя весна! Наверно, март.

— Это хорошо, — неопределённо отозвалась Ая. — Весной воздух становится прозрачным, весной звёзды начинают ярче блестеть...

— Ты не понимаешь, Ая! — начала уже сердиться Полина. — Ты меня не слушаешь!

— Чего ты вдруг рассердилась? Я и в самом деле не понимаю, что ты имеешь в виду, — сказала Ая.

— Самое главное. Вардкеза.

— Мы его найдём.

— Но, Ая, в марте розы разве цветут? Что-то я совсем запуталась, Ая!

— Я думаю, у него они цветут круглый год. Даже в марте.

Уверенный тон Аи немного успокоил Полину. Фокки, понимая, что происходит какое-то волнение, начал было вокруг них бегать, а тут и он утих.

Вскоре они вышли на опушку соснового бора и вдали, за широким-широким полем, увидели очертания города. Город, как видно, был расположен на холмах. Издали казалось, что он растёт вверх, как дерево. Виднелись дома внизу, а потом повыше, вроде бы прямо над ними, снова дома.

— Пошли, — решительно сказала Ая. — Это, должно быть, и есть Крутогорск.

Они долго-долго шли по дороге, ведущей через поле.

Дорога была почти совсем пустынна. Только один раз их обогнал грузовик-полуторка. Он показался Полине странным. Маленьким, почти что ненастоящим. Навстречу проехала телега, которую тащила тощая лошадка. Телега громыхала по булыжной дороге. В телеге было довольно много народу, и лошадь медленно тащила всю ораву. Потом навстречу попала ещё телега — в ней стояли связанные верёвкой три огромных бидона. Мальчик-кучер шёл возле лошадиной морды, помахивая вожжами и приговаривая:

mirknig.com

— Но, Мишка, но же, недалеко уж.

Потом он сел боком на край телеги, и его рыжий Мишка пошёл почему-то быстрее. Никто не обратил на путников никакого внимания.

Ая шла молча, чтобы не бегали разноцветные огоньки и не смущали встречный народ.

Но вот город начал приближаться, и Полине даже стало казаться, что она уже издали узнаёт кое-что из того, о чём рассказывала бабушка.

Вон высится старая пожарная каланча. Вон на берегу реки — остатки старинного монастыря, и галки кружат над покосившейся колокольней. Вот тут, напротив, и должен оказаться мост через реку.

Бабушка говорила, он называется Татарский мост.

Они подошли к реке. Полина испугалась. Река не была похожа на спокойную речку бабушкиных рассказов. Вода едва не выходила из берегов, она была глинистая, мутная, временами по ней, вертясь, проплывали большие мохнатые льдины.

Город начинался прямо за рекой.

— Ты говорила про мост, Полина, а где же он? — спросила Ая.

— Не знаю. Он точно должен быть тут.

В голосе у Полины опять, в который раз за это нелегкое путешествие, слышались слёзы.

Ая задумалась.

— Я могу перебраться и над водой. Но ты не можешь. А со мной Вардкез не станет говорить. Он испугается. Это только дети не боятся, когда к ним приходит звезда и начинает с ними разговаривать. Взрос-

лые этого не переносят. Они пугаются. Значит, должна с ним разговаривать ты — настоящая девочка. Птица Чур сюда ни за что не полетит. Она уже объяснила почему.

— Так что же, вернёмся без роз? — почти плача, спросила Полина. — Фокки же нам ничем не поможет. Фокки!

Фокки опять не было рядом! Но не успели они обеспокоиться или рассердиться, как поблизости раздался отрывистый лай и послышался голос:

— Это чья тут собака? Не тронет?

— Фокки! Ко мне! — крикнула Полина.

И из-за полуразвалившегося сарайчика, стоявшего на берегу, выскочил Фокки, а за ним следом вышел старичок в прожжённой, вылинявшей телогрейке и в прожжённых валенках. Он курил смешную папиросу не папиросу, а просто газетную трубочку, из которой шёл противный дым.

— А-а, девочки, — сказал он. — Ваша, что ли, собака?

— Наша, — сказала Полина.

— А вы откуда?

Полине стало вдруг жарко от этого вопроса. Она совсем не знала, что же ей сказать.

Хорошо, что старичок был разговорчив и сам стал за них отвечать.

— Ты чего такая? — сказал он, поглядев на Аю. — А-а-а, вы, должно быть, на утреннике в железнодорожной школе были. Ишь в какую звезду нарядилась! Смотри не простынь, больно ты легко одета. Платице

всё аж просвечивает. А вы что же от других отстали? Я уже всех на ту сторону перевёз. Всё жду только, может, какой путник объявится. Я сегодня на перевозе дежурю.

— Дяденька... — робко начала Полина. — Дяденька, а где же... Татарский мост?

Старичок посмотрел на неё с большим удивлением.

— Да ты что, милка, с луны, что ли, свалилась? Не видишь, какой разлив? Озёрный лёд вдруг в реку хлынул, ну мост и снесло. Вода спадёт, снова наводить будут. А ты как же, — он поглядел на Полину подозрительно, — как же ты на ту сторону в школу перебиралась?

Полину опять бросило в жар. Но старичок снова сам её и выручил:

— А, должно быть, через железнодорожный мост, в объезд, на лошади, которая хлеб везла.

Полина на всякий случай быстро закивала.

— Ты чья же будешь?

Полина не поняла, что он говорит. Она не знала, что в Крутогорске так спрашивают фамилию.

— Не Коровина ли? У них внучка вроде такая же — конопатенькая.

Полина опять молча покивала.

— Ну дак, чего делать, садитесь, перевезу вас. Ишь махонькие. И собаку везти?

— И собаку, и собаку, — затараторила Полина.

— Ладно уж, и собаку. Поехали. А то подружка твоя совсем зачоченела, всё молчит да молчит.

Под берегом оказалась огромная лодка. Старичок уса-

дил их всех на одну скамейку, и на ней осталось ещё много места.

Он быстро грёб и сам себе в усы приговаривал:

— Звезда! Нарядилась тоже. А сама дрожмя дрожит. Студёно ведь.

Вскоре они достигли противоположного берега. Старичок помог им выбраться.

— Дяденька, — снова набралась храбрости Полина, — а как нам на Козье Болото идти?

Старичок удивился:

— Да ведь Коровины не на Козьем Болоте живут? А, понятно, подружку проводить хочешь. Да что ж ты, никогда на Козьем Болоте не бывала? А, ну да, может, бывала, да забыла. Дак вот так берегом идите, потом на Извозную свернёте, а там уж и Козье Болото. Уж почитай все улицы в Крутогорске переназвали, а вот Извозная да Козье Болото так по-старому и остались. Может, ещё Пальмовая.

Он махнул рукой и пошёл назад, к своей лодке.

— Спасибо, дяденька, — сказала Полина.

Ае стоило больших усилий промолчать и не поблагодарить доброго старичка.

Глава восьмая

Вновь песенка про рёсика. На кого похож Вардкез?

И они пошли берегом, как им и было указано. У Полины дух замирал. Это же он, тот самый Крутогорск, город бесконечных рассказов бабушки Таи. И не как на открытках, которые бабушка Тая привезла в прошлом году, когда ездила на дедушкину могилу. Там, на фотографиях, — высоченные дома, как везде, новый детский театр с забавной плоской крышей и огромным блестящим металлическим петухом на стене. А на площади — белый памятник (называется стена), в честь крутогорцев, отдавших свою жизнь за по-

беду над фашистами.

Шёл март 1946 года. Первая послевоенная весна...

Перед ними был Крутогорск бабушкиной юности. Стояли одноэтажные и двухэтажные домики вдоль набережной. Собственно, набережной не было — был только спуск к реке. У каждого домика был небольшой палисадничек. Кое-где из дворов доносился приятный запах дыма — это жгли прошлогодние листья. Почему-то набережная в этот час была совершенно пуста. Однако же нет, вон показался человек — он несёт что-то за спиной в мешке. У него одна нога, а руки заняты костылями. Он шёл быстро, не оглядываясь, глядя в землю. Потом пробежала девочка. Полина заметила, какое на ней плохонькое пальтишко. Девочка несколько раз обернулась. Даже постояла. Потом пожала худым плечиком и куда-то побежала.

К Полине, точно откуда-то издалека, вдруг долетел папин голос: «Чудес не бывает, Таисья Гурьевна!»

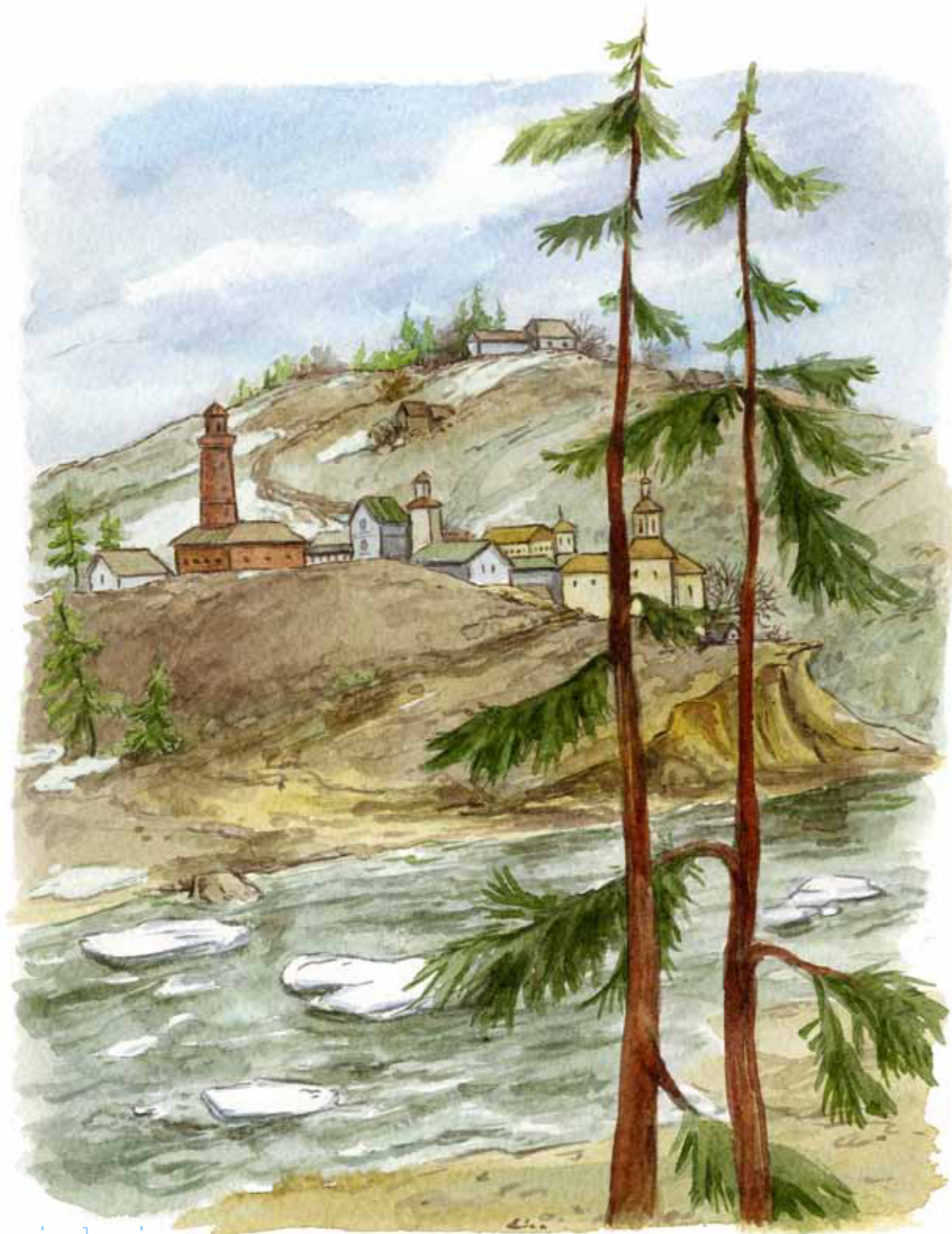
Вот тебе и не бывает! А может, со взрослыми не бывает? А только с детьми?

Её мысли прервал Аин голос:

— Посмотри, Полина, вот Извозная. Нам надо сюда свернуть.

Зелёные огоньки её голоса быстро пробежали по дощатой стене и высокому крылечку углового дома. Возле крылечка рос сиреневый куст. Он был ещё по-зимнему гол. Огоньки на минуточку украсили его живой, трепещущей листвой.

Они свернули на Извозную улицу. Тут вдоль домов тянулся дощатый тротуар. Доски были старые, размах-

рённые, а кое-где и вовсе отсутствовали, и было видно, как сквозь чёрную землю пробивается крапива. Некоторые дощечки еле-еле держались, и на них можно было подпрыгивать и качаться.

Фокки, конечно, тут же провалился лапой в щель. Лапа застряла. Полина с трудом её вытащила, а Фокки при этом повизгивал. Не столько ему было больно, сколько он перетрусил!

Полина, подпрыгивая на тротуарных досках, время от времени вертела головой в разные стороны. Ещё бы! Ведь это Крутогорск!

Окна некоторых домов были чисто вымыты, на подоконниках цвели шапочки герани и ещё какие-то цветы — большими колокольчиками. А другие окна были запylённые, немытые, на стёклах были наклеены крест-накрест полоски бумаги. Бабушка Тая рассказывала: это не только в Крутогорске, это везде так наклеивали — чтобы стёкла не вылетали, если будет бомбёжка. Вот они прошли уже почти всю Извозную, дощатый тротуар кончился. Обозначилась улица с правой стороны. Там вообще не было никакого тротуара, середина улицы была разъезжена, в тёмных колеях стояла вода. Они свернули направо, наугад, не очень-то зная, сюда ли им надо. На углу не было никакого обозначения улицы. Но на одном из домиков было написано: «Козье Болото, дом 15». Они остановились.

— Полина! Вот же Козье Болото! Нам сюда! Нам сюда!

Ая засветилась, закружилась, разогнала огоньки по влажному, размякшему чернозёму.

— Мы такие молодцы! Скоро, скоро, скоро настанет

весёлое утро! — пела она.

И Полина, глядя на неё, развеселилась, закружилась и чуть было не запела. И вдруг разом остановилась.

— Ая! Но это же какой-то пятнадцатый дом. Чей он? Бабушка Тая никогда мне не говорила, в каком доме жил Вардкез. Никогда!

— В самом деле, — сказала спокойно Ая. — Ещё немножко надо поискать.

Они прошли по одной стороне улицы. На домах не было написано фамилий хозяев. А если б и были они, фамилии Вардкеза тоже не знали.

— И нету даже ни одной козы, — мрачно заметила Полина.

— Какой козы? — не поняла Ая.

— Но улица-то как называется?

— Козье Болото.

— Вот я и говорю — нету ни одной козы. Может, это совсем и не та улица. Хоть и грязно, но болота-то ведь тоже нету.

— А должно быть? Что тебе бабушка говорила?

— Бабушка ничего не говорила. Ни про болото, ни про козу. Она просто говорила: «А дедушка с Пальмой ходил в такую-то далищу — к Вардкезу на Козье Болото!» Вот и всё.

— Ну так, значит, и называется эта улица. А болото, наверно, было раньше. Раньше-раньше.

— Когда впервые построили Татарский мост?

— Может быть, и тогда.

И Фокки, почувствовав, что не всё в порядке, слегка приуныл.

— Ладно, Поляночка. Помнишь:

— Ты не падай духом,
Эй!

Ты надейся, ты надейся!

— Как же! Заветная песня Говорящих Лошадей. Как давно это уже было!

Поляна вдруг вспомнила: за городом их дожидается птица Чур.

— Ая, пойдём скорее. А то вдруг птица Чур улетит, и мы навсегда останемся в тогдашнем Крутогорске!

— Поляна, но ты же обещала не бояться! — сказала Ая. — А ты всё время чего-то опасаясь. Так нельзя.

Они двинулись дальше. Прошли всю нечётную сторону. Их немного смутило то, что некоторые дома стояли пустые. Тёмные окна были заколочены досками. Но в иных, как видно, жили люди. На верёвках сушилось бельишко. На дворах дрова были сложены в поленницы. На некоторых — небольшой грудой был насыпан уголь. Дома были отгорожены заборами. В заборах — калитки, некоторые с железным дверным кольцом.

— Поляна, постучи в этот дом, может быть, кто-нибудь там есть, — предложила Ая и сама отступила в тень.

Поляна постучала. Но из этого ровным счётом ничего не вышло.

Никто на стук не ответил, никто не вышел открывать.

— Странно, — сказала Ая. — Какой-то у них чудной безлюдный час. — И чтобы подбодрить Поляну, она опять пропела:

— Ты не падай духом,
Эй!
Ты надейся, ты надейся!

Но даже светлые огоньки её песенки никого не выманили наружу.

— Ну ладно, — сказала Ая. — Пошли теперь по чётной стороне.

И они медленно двинулись от дома номер два по чётной стороне. Та же картина. Одни дома заколочены, в других — живут. Но дома почему-то никого не оказывалось.

И вдруг...

Нет-нет-нет, этого никак не могло быть! Поэтому Поляна сначала даже промолчала. Ей показалось, ей послышалось, что через высокий забор дома номер двадцать два перепорхнула песенка, которую кто-то напевал вполголоса. Но какая это была песенка!

— Пёсик в лодочке отчалил,
Пёсик в лодочке плывёт.
Не бывает сплошь печали,
Пёсик радость принесёт.

Послушайте, ведь это и была та странная песенка, которую на прощание спел её любимый доктор Дорохов!

— Ая, — сказала Поляна шёпотом, — ты ничего не слышишь?

Ая прислушалась.

— Не слышу. Нет, нет, слышу!

И по забору побежали огоньки, потому что она повторила песенку:

— Пёсик в лодочке отчалил,
Пёсик в лодочке плывёт.
Не бывает сплошь печали,
Пёсик радость принесёт!

И не успела она допеть, как сама собой распахнулась калитка и появился человек.

— Кто это тут мне подпевает? — спросил он весело.

Человек был худощав, высок ростом, темноволос... Он показался Полине очень знакомым. Да это же доктор Дорохов! Ах, нет, доктор Дорохов молодой и светлый. А этот — средних лет и темноволосый. Но напоминает, ужасно напоминает доктора Дорохова!

— Полина! — вдруг закричала Ая. Она так громко закричала, что вся улица осветилась, точно праздничным салютом. — Полина! Да ведь это же Хозяин! Тот, что нарисован на пергаментном свитке! Хозяин! Конюх!

Да, да, да! Ведь тот, с пергаментного свитка, тоже был немного похож на

доктора Дорохова!

— Я никогда не был конюхом, мои хорошие, — сказал тот, кто стоял в проёме калитки. — И не знаю ничего ни про какой свиток. Вы что-то путаете. Меня зовут Вардкез. Заходите, милые и странные девочки, — повторил он. — И пёсик, ты тоже заходи.

Он пропустил их вперёд, закрыл калитку на щеколду и по выложенной камешками тропинке провёл к дому. Дом был маленький, но с огромными окнами. В саду, конечно, были только островки тающего снега и никаких, никаких роз!

Пока они шли, Вардкез всё время напевал:

— Пёсик в лодочке отчалил,
Пёсик в лодочке плывёт.
Не бывает сплошь печали,
Пёсик радость принесёт!

И, наклонившись, потрепал Фокки по спинке.

Все поднялись на крылечко, открылась обитая клеёной дверь, пропустила всех в тёмные сени, потом — в светлую комнату.

Вардкез пригляделся к Ае.

— Ага. Понимаю. Ты — звезда, — сказал он. — Как тебя зовут?

— Ая, — ответила за неё Полина.

— Ая? Какое хорошее звёздное имя, — обратился Вардкез к Ае. — Ну так разве не чудо, что звезда пришла к нам на землю и стала девочкой и подружилась с другой, просто земной девочкой. И захотела сделать

её счастливой. Разве не чудо, ответь-ка мне, Веснушка?

Полина замерла. Так её на всём свете называл только один человек — доктор Дорохов.

— Я знаю, зачем вы пришли. Пойдёмте.

Он открыл ещё одну дверь, и там — там!

Нет, этого описать даже нельзя! Там под стеклянной крышей был — нет, не сад, нет, не цветник, — там был розовый лес! И даже так: Розовый Лес.

На высоких стеблях чуть покачивались алые-алые и белые-белоснежные розы!

Совсем не такие, какие продаются в магазине или на базаре. Или даже расцветают на юге. Совсем не такие. Они были живые! Нет, не в том смысле, что они были похожи на людей или там умели разговаривать. Ничего такого не было. Просто это была невероятная живая красота!

— Правильно, Веснушка, — опять так назвал Полину Вардкез. — Правильно. Эта красота приносит веселье и радость, люди совсем по-другому начинают смотреть на вещи. И тебе нужны, обязательно нужны эти розы.

Он загадочно улыбнулся и подмигнул, совсем как доктор Дорохов, когда уходил от Полины в последний раз.

— Ой! — вдруг спохватилась Полина. — Но ведь у нас нет, совсем нет денег. Ни копейки. Правда, бабушка говорила...

— Верно она говорила, — перебил её Вардкез. — Я люблю давать людям розы просто так, без денег. Наверно, это оттого, что на том языке, на каком говорили мои папа и мама, слово «вард» значит «роза». А оно, как видите, есть и в моём имени.

Он подошёл к розам, точно пошептался с ними, и быстро нарезал огромный букет алых и белых роз. Он протянул его Полине.

— Полина! Какие розы! — воскликнула Ая.

Разноцветные огоньки разлетелись по всему Розовому Лесу, и Вардкез сказал:

— Вот видишь, я правильно догадался, что ты звезда.

В этот момент Фокки, про которого временно позабыли, громко чихнул. Его нежные собачьи ноздри слишком щекотал сильный розовый запах.

Все пошли назад, в первую комнату, хотя уходить из Розового Леса девочкам не хотелось.

— Ну вот, — сказал Вардкез, словно ожидая, что гости поблагодарят его и уйдут. Но они топтались на месте и не уходили. Он удивлённо на них посмотрел. Потом вспомнил: — Да-а! Что это вы говорили там насчёт хозяина и конюха, я не понял. Какой конюх? Ему тоже нужны розы? Это естественно. Розы нужны всем. Хотите, я сделаю букет и для конюха?

— Нет-нет, — только и сумела сказать Полина. Она вдруг поняла, что не сможет складно поведать Вардкезу всю историю Говорящих Лошадей.

Ае пришлось подробно рассказать ему про вечнозелёный Остров Говорящих Лошадей, которым плохо живётся без Хозяина, без дома и без дела.

Вардкез выслушал её рассказ молча. Потом спросил:

— Говоришь, очень похож?

— В точности похож, — подтвердила Полина.

— Ну что ж. Пусть в нужное время облачная птица Чур прилетит за мной. Надежды должны оправдаться,

не так ли, Веснушка? А розы? На вечнозелёном острове они будут расти ещё веселее.

— Только птица Чур ни за что не захочет прилететь за вами в город, — сказала Полина.

— Это ничего, — ответил Вардкез. — Я найду её за городом! Я догадаюсь, что она прилетела за мной. И приду. Ты так ей и скажи.

И он улыбнулся. Хорошо-хорошо, весело и по-доброму улыбнулся.

— Всё будет отлично, вот увидишь, Веснушка! — крикнул он Полине вслед.

Калитка захлопнулась, и она не увидела, что он снова подмигнул, ну совсем как доктор Дорохов.

Глава девятая

Хмурцы нагадают. Кто такая Анеда?

А я, Полина и Фокки, выйдя от Вардкеза, пошли, как им показалось, как раз туда, откуда они пришли. Всю улицу с некрасивым названием Козье Болото наполнял теперь аромат удивительных роз, которые держала в руках Полина. Они прошли довольно далеко, но Извозная, на которую они должны были свернуть, всё никак не оказывалась на своём месте. Уж пора бы им дойти до перевоза. Полина нервничала. Она не знала, что же они скажут теперь доброму старичку, почему они теперь-то возвращаются назад.

— Что же мы ему скажем? — переспрашивала она Аю.

— Что-нибудь придумаем, — беспечно отзывалась Ая.

Полина вообще-то не любила врать. Из вранья всегда получалась какая-нибудь неприятность!

Дорога неожиданно стала подниматься в гору. На углу они свернули, но попали на какую-то совсем другую улицу, а вовсе не Извозную. Половинка фанерки, на которой было написано название, оторвалась. А на другой половинке было написано только «... арского». Непонятно, что это значило.

— Ая, мы идём не туда! — сказала Полина.

— Ты знаешь, Полина, мы, должно быть, как вышли из дому, так и пошли в другую сторону. Давай вернёмся. Мы направо пошли. А нам, наверно, надо было налево.

Они окликнули Фокки, который что-то обнюхивал возле разбитого фонаря, и пошли обратно. Но когда Полине уже казалось, что они пришли назад к Козьему Болоту и свернули за нужный угол, на трёхэтажном, давно не штукатуренном и не белённом доме стояло: «Ул. Красная». Эта Красная улица пошла опять в гору, в гору, в гору. Им навстречу попало несколько прохожих. Они спешили куда-то, и Полина побоялась обратиться к ним с вопросом. Ая старалась спрятаться за Полину. Потому что обычному прохожему очень трудно объяснить, почему ты — звезда и вдруг разгуливаешь по городу да ещё разговариваешь блестящими словами.

Ая и Полина, посоветовавшись, решили вернуться и опять всё начать сначала. И тут же заблудились. Все улицы почему-то уводили их круто вверх. И неизвестно по каким причинам город в этот день был какой-то

малолюдный.

Полина всё-таки два раза решилась подойти и спросить дорогу. В первый раз она спросила старушку, которая шла с кошёлкой, тазом и берёзовым веником в руках.

— Бабуля, как нам к реке пройти? — спросила она.

— К реке-то? — охотно отозвалась бабушка. — А вы бы лучше, девоньки, в баньку собрались. Нынче топят. Вода горячая. И попариться можно. Благодать! — Но, поняв, что не соблазнила девочек баней, спросила: — А к какой же это вам реке зандобилось? У нас их тут, чай, три. Тура, Хрипанка и Свинуха.

Кажется, бабушка Тая называла реку Турой.

— К Туре, к Туре, — поспешила отозваться Полина.

Вместо ответа старушка вдруг заинтересовалась Полиной:

— Ты что, нездешняя будешь? Чистенькая да гладенькая. Ишь, пальтушка-то на тебе какая, новёхонькая. И где ж это тебе маманька такую пальтушку справила?

— До свиданья, бабушка, — торопливо сказала Полина. — Мы сами найдём.

И Полина, Ая и Фокки быстро пошли дальше, потому что всё-таки, несмотря на Полинины косички, было видно, что она другая. Не здешняя. То, что она не теperенная, никому решительно не приходило в голову. Второй раз Полина решилась спросить у пробежавшего мимо мальчишки, который нёсся, по-видимому куда-то опаздывая.

— Тура? — переспросил он. — А вон там, не знаешь, что ли? — И, куда-то неопределённо махнув ру-

кой, тут же скрылся из виду.

Полина устала. Фокки тоже еле шевелил лапками. Неожиданно они вышли на сквер. Отыскали не очень мокрую лавочку. Сели. Вокруг росли высоченные липы. Ветки были голые, мокрые, с них капало. Дул весенний, прохладный ветерок.

На Полину вдруг навалилась какая-то тяжесть и тоска.

Ей показалось, что им никогда отсюда не выбраться, что все их старания — напрасны, что розы завянут до того, как они доберутся до дому, что птица Чур непременно, не дождавшись их, улетит. Ая старалась её ободрить, но безуспешно.

— Пойдём, Полина. Ну что ты, в самом деле! — Ая даже стала на неё сердиться. Они сделали такое великое дело — достали розы, а Полина всё хмурится и хмурится!

Но Полину не отпускало какое-то непреодолимое уныние.

Вдруг Ая вскрикнула:

— Посмотри, что это?!

Она наклонилась к букету роз, который крепко держала в руках Полина, и что-то осторожно сняла с одной белой розочки и показала Полине:

— Видишь?

— Ничего не вижу!

— Хмурая паутинка! Отвратительная хмурая паутинка!

— Откуда? Что это значит?

— Это значит, что Шкандыба остановил поезд в Крутогорске! Как и обещал!

— И что, Ая, что? Ну объясни мне, пожалуйста.

— Ты помнишь, что хмурцы увязались за нами и оказались в поезде?

— Да, да, помню!

— Ты поняла, что это они открыли дверь вагона, чтобы вас с Фокки выдуло вон?

— Поняла, да. Помню, да. Нас точно в простыню завернули.

— Это я попросила пролетавшее мимо низкое облако.

— А почему ты не полетела с нами в облаке?

— Мне надо было вернуться на небо и отыскать там птицу Чур. А эти негодники остались в поезде. И Шкандыба выполнил своё обещание и остановил поезд

там, где нужно. Вот они и оказались в Крутогорске. И теперь они охотятся за нами и всю стараются, чтобы розы завяли.

— А где они сейчас? — спросила Полина шёпотом.

Ая что-то крикнула, осветила сквер, пристально при-
смотрелась к деревьям.

— Нет. Сейчас их здесь нет. Но они от нас всё равно не отстанут. Пошли, Поляночка, пошли отсюда! Это они нагнали на тебя такой мрак. Уйдём скорее! Пусть вернутся и не застанут нас здесь. Мы хоть выиграем время.

Ая потащила Полину за собой наугад. Фокки засе-
нил следом.

Сквер вскоре кончился, и вдруг... вдруг Полина уви-
дела на угловом доме слова «Пальмовая улица».

— Ая! — воскликнула она. — Ая! Это бабушкина
улица. Бабушкина и дедушкина.

Полина так обрадовалась знакомой по бабушкиным
рассказам улице! Она стала приглядываться, пригля-
дываться, и вдруг... вдруг старые тополя и клёны,
по-мартовски голые и мокрые, стали превращаться...
превращаться в пальмы! И вот уже Пальмовая улица
превратилась в пальмовую рощу. Вместо клёнов росли
пальмы, пальмы, пальмы... И они увидели, как на од-
ной из них прыгает, крутится и кувырывается... синяя
обезьянка! Покувыркавшись немного, она села, при-
молкла, нахохлилась. То ли задумалась, то ли загру-
стила. Полина и Ая смотрели на неё во все глаза. Не-
много погрузив, обезьянка вдруг встрепенулась, пере-
кувыркнулась и запела:

— Ты что грустишь, Анела?
Твоё ли это дело?
Ну где же ты видала
Печальных обезьян?

Качаться с миной постной,
Ах, неприлично просто,
Печаль для обезьяны —
Существенный изъян!

Пускай грустят питоны
И бегемот трёхтонный,
Пусть плачут крокодилы
И бык мохнатый — як,

Пусть хнычут дикобразы
И какаду — все сразу,
Тебе же, обезьяне,
Грустить нельзя никак!

Послушай-ка, Анела,
Ты что, с утра не ела?
Сорви скорее с ветки
И спелый съешь банан.

Ты синяя, Анела,
А это — очень смело!
Ну где же ты видала
Синих обезьян?

И обезьянка, ещё раз перекувыркнувшись и перелетев с пальмы на пальму, так весело расхохоталась, так звонко и заразительно, скорчила такую уморительную рожицу, что Полина и Ая не могли удержаться от смеха. Они хохотали, и хохотали, и хохотали, и разноцветные блестящие огоньки Аинога смеха разбежались по всей пальмовой роще, и даже Фокки весело завилал своим обрубленным хвостиком.

— Всё! — сказала обезьянка. — Мы их прогнали хохотом.

— Кого? — спросила Полина.

— Хмурцов! — догадалась Ая.

— Правильно! — сказала обезьянка. — А теперь бегите, куда вам надо.

— Как же нам добраться до Туры? — спросила Полина.

— Вниз, вниз, вниз, под горку, — сказала она.

— Спасибо тебе, — сказали Ая и Полина вместе.

— Пустяки! — сказала обезьянка. — Не за чем! И не забудьте — меня зовут Анела! Счастливого пути!

Как только обезьянка замолчала, пальмовая роща тут же исчезла и они опять оказались на Пальмовой улице и увидели, что она действительно идёт вниз, под гору. Они пустились бегом. Очень скоро эта улица вывела их на набережную, прямо к знакомому старичку с лодкой.

Какой это был чудесный старичок! Он умел сам отвечать на вопросы, которые задавал.

— Вы опять — на ту сторону? В школу? — сказал он.

Полина подумала, что у неё нет никакого правдоподобного ответа старичку.

Но он продолжал:

— Вот и умницы, что букет такой красивый несёте. Елизавете Васильевне будет радость. Хорошая учительница. Старая, заслуженная. Скольких ребят выучила!

Он быстро перевёз их через мутную, с проплывающи-

ми льдинами Туру. А обратная дорога через поле была им уже известна и поэтому показалась короче, чем в первый раз. Вот и пришли! А где же птица Чур? Неужели?.. Да нет, нет, вот она — белая, с серыми подкрыльями, сердитая-пресердитая.

— Наконец-то! — сказала она. — Меня ждут там, где ждут. А дожждаться, между прочим, не могут.

Но она перестала сердиться, увидев розы.

— Красота везде красота, — сказала она немного загадочно.

Путаясь и перебивая друг друга, боясь, что птица Чур снова станет сердиться, Полина и Ая рассказали ей про человека, который был нарисован на пергаменте.

— Он живёт в Крутогорске, «сразупоследвойны», — сказала Ая. — Его зовут Вардкез.

Неожиданно птица Чур не рассердилась. Она сказала:

— Я обещала, что обещала. Птица Чур не бросает слов на ветер. Я отвезу его на Остров Говорящих Лошадей, когда настанет час, как бы чудно его ни звали. Вардкез... Странное имя... Ну, быстро! Куда вам надо? Опять в город? В другой? Нет уж, увольте. В теперешний город? Чтобы меня опять приняли за летающую тарелку, или кастрюльку, или, на худой конец, соусник!

— Ты оставишь нас в сморчковом лесу, птица Чур, — сказала Ая. — А это лес не теперешний, а волшебный. Оттуда мы дойдём до дому сами.

Глава десятая

Снова дома. Бывают же на свете удивительные сны!

Сморчковый лес оказался на месте. Тут Ая, Полина и Фокки распрощались с птицей Чур. Они её изо всех сил благодарили, но она не стала слушать и тут же улетела.

— Фокки, — сказала Ая, — ты должен помнить дорогу из сморчкового леса.

В сморчковом лесу, как и в начале их путешествия, была ночь. Полина взяла Фокки на поводок, и он быстро, уткнувшись носом в землю, побежал и повёл за собой Полину и Аю. Полина ничего другого, кроме острого грибного запаха, не чувствовала.

Ая напевала свою песенку, и поэтому идти было светло:

— Мы с тобой ушли неслышно
И тихонечко пришли.
Алой розы кустик пышный
В прежнем времени нашли.
В небе отсвет голубой.
Ты не бойся: я с тобой.

Грибной запах кончился.

— Вот мы и пришли! — громко сказала Ая.

И тут всё вдруг потемнело вокруг, потемнело в глазах у Полины, глаза сами собой закрылись, а когда открылись... Да что же это такое?

Бабушка Тая стояла возле Полининой кровати и стряхивала градусник.

— Проснулась, душенька моя? — ласково сказала бабушка. — Ну-ка, давай смерим температуру!

Полина ничего не ответила. Что? Что — в самом-то деле? Это был только сон? Сон — и больше ничего? Она было нахмурилась, и вдруг откуда-то издали, нет, даже не издали, а как бы это объяснить? Наоборот, внутри её самой зазвучала песенка:

«Ты что грустишь, Анела?
Твоё ли это дело?
Ну где же ты видала
Печальных обезьян?»

И Полина засмеялась.

Температура тем временем смерилась, и оказалось, что её нет. То есть не то что совсем нет, а просто

тридцать шесть и шесть — совершенно нормальная температура.

«Тебе наша прогулка не повредит», — услышала она слова Аи. Ничего себе «прогулка»!

— Вот и хорошо, что нет температуры. Ты помнишь, какое завтра число?

— Завтра?

Ах да, ну да же, завтра — двадцать третье марта, мамин и бабушкин день рождения.

Нет, Полина помнит. Она спрятала в своём книжном шкафчике, в третьем томе Детской энциклопедии, рисунки. На одном — Африка, пальмы, и на одной пальме — синяя обезьянка.

— Анела, — прошептала Полина.

А на другом рисунке — красивые лошади на опушке леса.

«Как там Говорящие Лошади? — подумала Полина. — Принесла ли к ним уже Вардкеза птица Чур? А как узнаешь? Неужели это был только сон? Нет, не может же всё-таки быть...»

— Бабушка Тая, а папа и мама где? — спросила Полина.

Ей хотелось кое-что проверить насчёт хмурцов.

— На работе, дружок. Уже поздно, ты очень долго спала, милая. Сейчас мы будем с тобой завтракать. Доктор Дорохов сказал: надо пить тёплое молоко с мёдом.

Пока бабушка ходила на кухню греть молоко, Полина всё думала: «Снилось или не снилось? А как же Ая? Такая добрая и светлая девочка-звезда? Новая подруга?»

Пришла бабушка, дала Полине молока, присела на

край постели.

— Бабушка, а ты знаешь, я видела во сне, что в Крутогорске нет никакого Татарского моста, — сказала Полина.

— Как это — нет? Куда же он девался?

— Понимаешь, Тура так сильно разлилась, что мост снесло и через речку перевозят на лодке!

Бабушка изумлённо поглядела на Полину. Она так долго молчала, что Полина даже испугалась и окликнула её:

— Бабушка Тая!

— Полиночка, но ведь это бывало раньше! Я тебе про это не рассказывала. Откуда ты можешь знать?

— Что бывало раньше? Расскажи!

— Раньше, когда ещё не было нового железного высокого моста через Туру, деревянный-то каждую весну, как разлив, так и сносило.

— И что?

— Да как ты и говоришь — на заречную сторону, к товарному вокзалу и в железнодорожный район, перевозили лодками. Даже ребяташек в школу перевозили. Там была школа-семилетка.

— А потом как же?

— А потом новый наводили. До следующего половодья. Но ты-то откуда знаешь?

— Я же говорю тебе — видела во сне.

— Бывают же на свете удивительные сны! — сказала бабушка и даже покачала головой.

— Бабушка, — продолжала Полина, — а на Козье Болото с Извозной улицы надо сворачивать, да?

— Погоди, дай припомнить. С Извозной... ну да. А это-то кто тебе сказал?!

— Я же тебе говорю — видела во сне.

Бабушка пожала плечами. Она не очень-то верила в сны.

— Бабушка, а раз температуры нет, можно, я выйду погулять во двор? — попросилась Полина.

— Что ты, что ты, детка! — замахала руками бабушка.

И Полина поняла, что дальнейшие уговоры бесполезны. А ей так хотелось выйти из дома. Может, там и правда где-нибудь за уголком ждёт её Фокки?

Папа и мама вернулись с работы вместе и не поздно. Притащили большие сумки со всякой всячиной. Завтра же как-никак двойной день рождения!

Папа был не хмурый. Забежал поглядеть на Полину, пропел:

— Полинет,
Полинет,
Слышишь ты или нет?
Коровы топчут пшеницу...

Когда он пел эту французскую песенку, из которой дальше, по-видимому, ни строчки не помнил, это обозначало, что он в хорошем настроении.

Потом к Полине пришла мама. Дала лекарство. Полина поняла, что рассказать ей что-либо про свой удивительный сон не удастся: мама была вся в хозяйственных хлопотах. Она только спросила Полину:

— Как ты думаешь, наполеон испечь или уж черес-

чур большая возня?

— Испечь, — решительно сказала Полина.

Она очень любила, когда мама, подвязав фартучек и беленькую косыночку, что-нибудь пекла на кухне. В первых, всегда выходило вкусно, а во-вторых, она была так больше похожа на маму, чем когда вечерами напролёт редактировала свои «мотальные глаголы».

Вечер прошёл быстро. Полине разрешили выйти в большую комнату и посмотреть по телевизору мультфильмы. Правда, они были неинтересные: ничего в них смешного не было, а только какие-то уродцы играли не в поправдашный, а в понарошковый хоккей и без конца орали: «Шайбу! Шайбу!»

Когда совсем стемнело, Полина на цыпочках подошла к окну и отодвинула краешек шторы. Ей хотелось посмотреть на небо. Может, там светит особенная, ей одной видная звезда. Но небо к вечеру затянуло тучами. Полина вздохнула и отправилась спать.

Глава одиннадцатая

И настало весёлое утро

А к утру тучи разошлись. Полина проснулась рано. Первым делом она кинулась к окну. Небо светлело. И на нём — была! Была видна маленькая светлая звезда!

— Ая! — тихонько позвала Полина.

Звёздочка продолжала мерцать и светиться. Ну смешно же думать, чтобы она могла услышать Полину. Хоть Ая и уверяла её, что от неба до земли не так далеко, как кажется.

«Спроси у космонавтов!» — говорила она.

Полина тихонько оделась, подошла к своему шкафчику, где на полках стояли её собственные книги, и вытащила оба рисунка, которые были спрятаны в третьем

томе Детской энциклопедии.

На одном из них было написано: «Милая мамочка, поздравляю тебя с днём рождения! Будь всегда здоровая и весёлая». А на другом — просто: «Милой бабуленьке от Полины. В день рождения». На том и другом рисунках красным карандашом было красиво выведено число — «23 марта».

Она положила оба рисунка рядышком на стол. И стала ждать, когда в доме проснутся остальные.

Некоторое время спустя она услышала, как, стараясь не шуметь, в прихожую вышел папа и, осторожненько щёлкнув замком, куда-то ушёл.

Интересно, куда же он мог уйти? Ведь сегодня суббота! Неужели опять на работу, на сверхурочную, какую-то там ещё, не поймёшь какую! Но ведь этого же не может быть! Ведь сегодня же бабушкин и мамин день рождения.

— Ой! — Полина даже зажала рот рукой, так громко она вскрикнула. — Он забыл! Ну да, наверное, забыл, что у мамы и бабушки день рождения. — Она чуть не заплакала. — Забыл!

Папины «Жигули» фыркнули под окном и умчались. Всё снова стихло. Через некоторое время слышались шаги и скрип двери. Из своей комнаты вышла бабушка. Потом мама быстро пробежала на кухню. И вдруг! Вдруг сильно, громко, требовательно зазвонил звонок у двери.

Он заливался: динь-динь-блям-бом-динь!

«Наверно, телеграмму принесли, — подумала Полина. — От Ванды Феликсовны».

Она всегда присылает телеграмму, хоть и живёт с ними на одной площадке.

Мама поспешила к двери. Дверь открылась.

— А-а-ах! — донёсся из коридора мамин голос. Потом она стала громко звать бабушку: — Мама! Мама, ты только посмотри!

Папин голос тоже слышался, но Полина не разобрала слов. Полина не выдержала. Она закричала:

— Ма! Па! Ба!

Все трое тут же очутились у Полины в комнате.

У папы в руках был огромный букет прекрасных свежих живых алых и белых роз!!!

Папа весело улыбался, протягивая розы маме и бабушке:

— Поздравляю вас, дорогие мои, хорошие женщины!

— И он поцеловал сначала маму, потом бабушку.

У бабушки на глазах появились слёзы. Но она не плакала — она улыбалась.

— Миленький ты мой, да откуда же ты достал такие розы! Верочка, ты помнишь, Верочка, твой папа приносил нам такие розы от Вардкеза!

Полина не выдержала и закричала:

— Да это и есть розы от Вардкеза!

Бабушка погладила её по голове и сказала:

— Глупышка ты...

А папа сказал:

— А знаете, их продавал какой-то очень симпатичный армянин. И почему-то необыкновенно дёшево!

Потом Полина показала маме и бабушке свои рисунки. При этом она объяснила:

— Это — Пальмовая роща. А это — Остров Говорящих Лошадей.

Рисунки всем очень понравились.

Полина чувствовала себя совсем хорошо, но всё-таки мама позвонила доктору Дорохову. Он сказал, что позже заглянет.

В доме была весёлая предгостевая суматоха. Все суетились, что-то говорили, что-то куда-то носили. Но все время от времени подходили и на минуточку застывали перед вазой с удивительными, невиданными розами.

Папа шёл с горкой тарелок в большую комнату, и вдруг — дзинь! — папа споткнулся, и сразу три тарелки разбились. Полина замерла. Вот сейчас, сейчас весёлое утро будет испорчено.

Ничего подобного! Бабушка сказала, что посуда по праздникам бьётся к счастью, а папа вдруг заявил:

— Верочка, я вечно спотыкаюсь об этот ковёр. Давай-ка его свернём, что ли?

Мама невероятно удивилась. Папа же сам хотел, чтобы во всю комнату был постелен ковёр.

— Ты знаешь, паркет красивее и гигиеничнее. Ты не думаешь? Давай сдадим ковёр в комиссионку!

Тут и мама удивила Полину. Она подошла к папе, крепко его обняла и сказала:

— А что? Давай!

И это получилось у неё очень весело.

Динь-динь!..

Снова зазвонил звонок. На этот раз гость был к Полине. Это был доктор Дорохов.

— Ну, как дела, Веснушка? — спросил он её.

— Хорошо, — сказала Полина и посмотрела на доктора Дорохова пристально-пристально.

Он, не обращая внимания на Полинины пристальные взгляды, осмотрел её и послушал, и в горло не забыл слазить, хотя Полине это ужасно не нравилось, потому что она при этом давилась.

Оглавление

Глава первая. ПЛОХОЕ УТРО, ПЛОХОЙ ДЕНЬ, СОВСЕМ ПЛОХОЙ ВЕЧЕР.....	1
Глава вторая. ДОКТОР ДОРОХОВ. ДЕВОЧКА-ЗВЕЗДА	1
Глава третья. АЯ РАССКАЗЫВАЕТ, ЧТО НАДО ДЕЛАТЬ. СТРАННЫЙ ПОЕЗД НА ГРАНИЦЕ ВЕТРЕННОЙ ПУСТЫНИ.....	1
Глава четвёртая. ОСТРОВ ГОВОРЯЩИХ ЛОШАДЕЙ. ГДЕ ЖЕ АЯ?.....	1
Глава пятая. ПОЛИНА В ОТЧАЯНИИ. ОБЛАЧНАЯ ПТИЦА ЧУР	1
Глава шестая. ФОККИ ВЕДЁТ РАСКОПКИ. ПТИЦА ЧУР ДАЁТ ОБЕЩАНИЕ	1
Глава седьмая. КУДА ДЕВАЛСЯ ТАТАРСКИЙ МОСТ? РАЗГОВОРЧИВЫЙ СТАРИЧОК НА ПЕРЕВОЗЕ.....	1
Глава восьмая. ВНОВЬ ПЕСЕНКА ПРО ПЁСИКА. НА КОГО ПОХОЖ ВАРДКЕЗ?.....	1
Глава девятая. ХМУРЦЫ НАПАДАЮТ. КТО ТАКАЯ АНЕЛА?.....	1
Глава десятая. СНОВА ДОМА. БЫВАЮТ ЖЕ НА СВЕТЕ УДИВИТЕЛЬНЫЕ СНЫ!	1
Глава одиннадцатая. И НАСТАЛО ВЕСЁЛОЕ УТРО . 1	

— И правда хорошо, — сказал доктор Дорохов. Потом он подошёл к столу и посмотрел на Полинины рисунки.

— Послушай, — сказал он. — А где же конюх? Кто-то ведь должен заботиться о лошадях!

И быстро-быстро — Полина не успела оглянуться — нарисовал возле лошадей человека, который был немного похож на него самого, доктора Дорохова, а ещё больше — похож на Вардкеза. Когда доктор Дорохов кончил рисовать, Полина поняла, что птица Чур выполнила своё обещание. На Остров Говорящих Лошадей прибыл Хозяин.

Доктор Дорохов попрощался и ушёл.

Праздничная суматоха в доме продолжалась.

— Верочка! — опять позвал папа маму. — Раз мы решили отделаться от этого ковра, не взять ли и в самом деле собаку? Ведь Полинка так просит!

Полина не услышала, что сказала мама, но она уже знала, что у неё будет собака — с чёрными торчащими ушками и обрубленным хвостиком, что эта собака в общем-то уже есть и зовут её не как-нибудь, а Фокки.

Полина подошла к окну своей комнаты. Звёздочка была еле различима, но всё-таки было видно, как мерцают её лучи.

— Ая, — сказала Полина, — Ая! У нас настало весёлое утро! — И, помолчав, добавила: — Приходи ко мне когда-нибудь ещё, Ая!

